

СССР
Ученс в 1962г. ¹⁷⁷⁷

НКВД

Хранить в Гостинице

УПРАВЛЕНИЕ
по Татарской АССР

Александр Аввакумов

Вх. № 1724
13 " / 199г.

БАНДА

РАССЕКРЕЧЕНО

в составе: Корнилова В.,

Мелекиса А. И., Табаева А. и

29670

г. Ижевск

в 1-м лице-дело НКВД
зарегистрировано

Начато 20 ¹⁹⁴⁶ мая 10 мая 1945г.

Окончено " октября 1949г.

На 250 листах

16+

Александр Аввакумов

Банда

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Аввакумов А. Л.

Банда / А. Л. Аввакумов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Стихли ожесточенные бои на фронтах Великой Отечественной войны, но война продолжается. Теперь полем боя стали дворы и улицы Казани. В городе действует неуловимая банда, совершающая дерзкие преступления: налеты на государственные склады и жилища граждан. Она оставляет после себя лишь трупы сотрудников милиции и мирных жителей. Все совпадения имен и событий случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Василий стоял у окна и внимательно рассматривал двор большого частного дома, который находился напротив старого дореволюционной постройки барака. Этот двухэтажный барак построил еще фабрикант Алафузов перед самой революцией и с тех пор, это деревянное строение не знало ремонта. Темное, грязное, покосившееся от времени окно было свидетелем многих исторических событий: Первой мировой и Гражданской войны. Пережил барак и очередную войну – Великую Отечественную. Потускневшие от времени стекла плохо пропускали уличный свет и поэтому в коридоре барака царил полумрак. В помещении пахло мочой, пищей и человеческими испражнениями. Где-то в темноте длинного и темного коридора слышались чьи-то шаги и натруженный кашель.

За окном накрапывал дождь. Это был первый весенний дождь этого победного года. Капли дождя монотонно стучали по стеклу окна, словно в сказке, превращаясь в тонкие струйки, которые исчезали где-то на покато́й крыше крыльца. Стоило только прекратиться дождю, как улицу наполнили мальчишки в черных и синих трусах, которые с криками и смехом бегали по теплым лужам.

Василий, глядя на них, невольно вспомнил свое босоное детство, когда и он вот так радовался теплему дождю и пускал в лужах кораблики, сделанные из спичечных коробков. Василий невольно вздрогнул, услышав за своей спиной скрип открываемой двери. Корнилов резко обернулся. Рука парня невольно потянулась к карману, в котором была финка. На лестничной площадке стояла древняя старушка, которая, щуря свои подслеповатые глаза, подозрительно рассматривала Василия. Она морщила свой крупный нос, словно стараясь не только разглядеть молодого незнакомого ей парня, но и учуять его запах. Корнилову было около двадцати пяти лет. Его светло-русые волосы выбивались из-под черной кепки с маленьким блатным козырьком. Подобные головные уборы в те годы, в основном, носили бывшие заключенные и «приблатненная» молодежь.

– Что уставилась, старая карга? На мне узоров нет! – грубо произнес Василий. – Давай, топай отсюда, пока не развалилась.

Парень сплюнул на пол и растер слюну носком сапога.

– И чей ты будешь, нахаленок? – смешно кривя губы, спросила его старуха. – Чего здесь околачиваешься?

Старушка уперлась своими костлявыми руками в бока и приняла «боевую» стойку.

– Ты сам, вали отсюда, шпана дворовая, пока я мужиков не позвала. Ходят тут всякие, а потом галоши пропадают....

Василий поморщился. Вступать в спор со старухой явно не входило в его планы.

– Давай, не ори, старая раскладушка, а то окончательно окочуриться, – со злостью в голове произнес Корнилов. – Видал я твоих мужиков, да и тебя тоже. Пошла ты

Василий снова сплюнул на пол и, демонстративно достав из кармана пиджака папиросу, закурил. Выпустив струю голубоватого дыма в сторону старушки, он начал медленно спускаться по деревянной лестнице вниз. Лестница скрипела под его шагами, словно продолжая ворчать на него в тон старушки. Корнилов неторопливо вышел из подъезда и, сняв с головы кепку, посмотрел на солнце, которое, словно умывшись этим теплым весенним дождем, ярко сияло между разрывами тяжелых свинцово-черных туч.

«Тварь старая, – подумал Корнилов. – А ведь могла такой шум поднять, мало бы не показалось».

Василий оглянулся назад и, посмотрев на темное здание барака, сплюнул на землю.

В мае 1941 года Василий Корнилов был осужден на четыре с половиной года за подделку больничных листов. Отбывал он свой небольшой по тем временам срок в Мордовии, где быстро

сошелся с ворами и блатными. Освободившись из мест лишения свободы полгода назад, Василий попытался устроиться на работу, не потому, что ему вдруг захотелось поработать на благо страны, а потому, что к этому стал принуждать его местный участковый уполномоченный, угрожая Корнилову новым сроком. Однако, несмотря на острую потребность в рабочих руках, принимать его на работу никто не хотел из-за наличия у него судимости. Два дня назад Корнилов получил очередной отказ в трудоустройстве. Сейчас он стоял около пивной палатки, цедил кислое старое пиво и с интересом разглядывал стоявших у столиков мужчин, в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых.

– Молодой человек, вы не разрешите воспользоваться свободной частью вашего стола, – произнес мужчина лет пятидесяти в светлой соломенной шляпе, держа в руках две кружки с пивом.

Василий посмотрел на мужчину. Ему было чуть больше пятидесяти лет. Чистое лицо, серые глаза. Он был каким-то случайным человеком среди этого общества, которое курило, сквернословило и пило водку с пивом.

– Чего? – процедил сквозь зубы Корнилов, заметив в руках незнакомца кружки с пивом.

Он отодвинул в сторону чьи-то забытые пустые кружки, освобождая место мужчине. Тот поставил свои кружки на стол и, посмотрев по сторонам, достал из кармана пиджака початую бутылку с водкой. Это было так неожиданно для Корнилова, что он невольно улыбнулся мужчине.

– Не составите компанию, молодой человек? – обратился он к Василию. – Простите меня грешного, но я так и не научился пить один. Говорят, привычка – это вторая натура человека.

Корнилов кивнул головой и пододвинул к мужчине свою кружку с пивом. Незнакомец плеснул себе в кружку грамм пятьдесят водки, а затем остатки вылил в кружку Корнилова. Сунув пустую бутылку в урну, мужчина посмотрел на Василия.

– Спасибо. Прицеп еще никогда и никому не мешал, – ответил Корнилов и улыбнулся своему красноречивому выражению.

– Ну, давай, сынок, за весну, за нашу победу над фашистами, – произнес мужчина. – Воевал или на брони? Впрочем, простите меня старика...

Василий не ответил. Они чокнулись кружками и, сделав несколько глотков, поставили кружки на стол.

– Клава! Красавица ты моя, – крикнул мужчина буфетчице. – Дай нам что-нибудь к пиву, воблу или еще чего-нибудь соленькое.

В «амбразуре» палатки показалось полное лицо женщины, которая приветливо улыбнулась мужчине. Через минуту она принесла тарелку, на которой лежало несколько бутербродов с черной икрой.

– Может еще чего-нибудь? – спросила Клава мужчину.

– Спасибо, красавица.

Женщина развернулась и, виляя массивными бедрами, направилась обратно в палатку. Проводив ее взглядом, мужчина повернулся к Корнилову лицом.

– Закусывай! Как вас величать, молодой человек? – спросил его мужчина, с аппетитом жуя бутерброд.

Корнилов взял в руки бутерброд и осторожно надкусил его. Бутерброд был очень вкусный и, чтобы как-то сдержать себя от желания моментально покончить с ним, он положил его на край тарелки.

– Василий, – неуверенно ответил Корнилов.

– Значит, Василий... А меня – Дмитрий Константинович, – представился мужчина и протянул ему мягкую пухлую руку.

Взгляд Василия замер на руке Дмитрия Константиновича. На пальце мужчины, играя всеми цветами радуги, сверкал перстень с большим зеленым камнем. Поймав его взгляд, Дмитрий Константинович смутился и быстро убрал руку в карман.

– Что, нравится? – спросил он Корнилова. – Да, вещь красивая, старинная и уникальная. Этот перстень когда-то принадлежал одному известному в Казани ювелиру. Он не принял новую власть. Просто не хотел ее понимать и вот теперь его нет, а перстенок принадлежит мне. В жизни часто так бывает, Василий. С властью спорить нельзя...

Корнилов смутился под пристальным взглядом Дмитрия Константиновича.

– Ты знаешь, Василий, я раньше, по молодости служил в ЧК. Что это такое, ты, наверное, и без меня знаешь. Мы тогда чего только не изымали во время обысков. Вот через эти руки, какие только ценности не проходили, – произнес Дмитрий Константинович и вытянул перед Василием свои белые холеные руки.

Корнилов посмотрел на руки собеседника.

– А вы не боитесь меня? – спросил он Дмитрия Константиновича. Рассказывать не знакомому вам человеку об этом не совсем умно. А вдруг я побегу в НКВД и «запалю» вас? А что? Вот возьму и побегу...

– Нет, не побежишь, Василий, не побежишь. Да и кто тебе поверит, бывшему зека... Я смотрю, ты ранее судимый парень? Такой молодой и уже судимый... Нехорошо. А я вот хотел тебе помочь, а ты в НКВД...

Корнилов словно с разбега ударился в невидимую им стену. Он сглотнул внезапно наполнившую рот слюну и посмотрел на Дмитрия Константиновича, который снисходительной улыбкой посмотрел на него.

– Спасибо, но мне не нужна ваша помощь. У меня «масть» не позволяет принимать подачки от государства.

– Блатной выходит... Что ж, каждому свое. Только глупо отталкивать от себя руку дающего.

Дмитрий Константинович поднял кружку и в упор посмотрел на Корнилова. От этого колючего взгляда серых глаз Василию стало как-то не по себе. Он почувствовал, как между его лопаток потек холодный, липкий и противный ручеек. Он сразу представил этого человека с «Маузером» в руках, расстреливающего «врагов народа».

– Ну что, вздрогнем, Василий! Жизнь, между прочим, великолепная штука, если ею пользоваться с умом. Что я могу сказать – я помогу тебе, Василий, с работой, если ты нуждаешься в ней.

Василий вздрогнул и взглянул на Дмитрия Константиновича.

«Откуда этот человек знает, что он ищет работу?» – подумал Корнилов и словно, испугавшись своей мысли, поглядел по сторонам.

Мужчина засмеялся, увидев растерянное лицо парня.

– Не пугайся! Я просто сегодня видел тебя в отделе кадров Льнокомбината. Как я понял, они отказали тебе в работе. Там, на комбинате работает мой старый товарищ по ЧК. Он многим мне обязан и поэтому моя маленькая просьба о твоём трудоустройстве не останется без его участия. Зайди завтра в отдел кадров, думаю, что там все будет хорошо.

Корнилов с недоверием посмотрел на Дмитрия Константиновича.

– Почему вы решили мне помочь, если это не секрет? Вы же меня не знаете, а вдруг я – убийца или был осужден по пятьдесят восьмой?

Мужчина громко засмеялся.

– Потому что я, Василий, христианин и обязан помогать людям по мере возможности, даже вот таким блатным, как ты.

Он дружески похлопал Василия по плечу и, развернувшись, направился к остановке трамвая.

Загасив папиросу в остатках пива, Василий направился следом за Дмитрием Константиновичем. Мужчина иногда останавливался, здоровался с попадавшими навстречу ему мужчинами и женщинами, а затем спокойно продолжал свой путь. Зачем он пошел вслед за этим человеком, Корнилов не знал, просто пошел и все. Василий не верил ни одному слову этого таинственного для него человека. Жизнь в местах не столь отдаленных научила его не верить никому, а особенно тем, кто связал свою жизнь с ЧК-НКВД.

«Интересно, зачем он подошел ко мне? – размышлял Василий. – Ведь были абсолютно пустые столы, а он подошел ко мне? Почему начал угощать меня водкой, а затем бутербродами с икрой? В этой жизни ничего просто так не бывает. А эта его реплика, что он служил в ЧК. Этот перстень... Все очень странно».

Он не мог ответить ни на один вопрос, который всплывал в его голове. Отсутствие ответов пугало Корнилова.

«Приходи завтра в отдел кадров, – вспомнил он слова мужчины. – Все будет хорошо. Все как-то странно. Добрых людей в этой собачей жизни не бывает. Выходит, имеет какой-то интерес ко мне. Но, какой?»

Дмитрий Константинович остановился у калитки большого «купеческого» дома. За высоким забором громко залаял пес. Он открыл калитку и ласково потрепал громадную кавказскую овчарку. Мужчина прошел по длинной, выложенной камнем, дорожке, открыл входную дверь и исчез за ней.

«Мой дом – моя крепость», – вспомнил он услышанное на зоне выражение.

Василий обошел дом, его размеры впечатлили Корнилова. Он остановился около калитки, чтобы лучше рассмотреть подходы к дому и дворовые постройки. Собака, обнажив свои большие желтые клыки и злобно рыча, медленно направилась в его сторону. Вид у нее был таким угрожающим, что Василий невольно попятился от забора.

– Эй, парень! Отойди от забора! Это не собака, а зверь! – услышал он у себя за спиной.

Василий вздрогнул от неожиданности и оглянулся. За его спиной стояла пожилая женщина. Ее седые волосы были аккуратно уложены на затылке, а глаза излучали какую-то доброжелательность. Женщина чем-то напоминала ему волшебницу из сказок, что рассказывала ему в детстве мать. Она поправила на голове платок и посмотрела на Василия.

– Извините, а вы случайно не знаете хозяина этой собаки? Хочу договориться в отношении щенка.

– Кто его здесь не знает, знаю, конечно. Это – дом Пирогова. Они живут здесь совсем недавно, заехали во время войны. Говорят, что они – эвакуированные.... Раньше, до войны, они жили в Ленинграде.

– Дом то очень большой, хороший.... Наверное, стоил очень дорого?

– Да, такой особняк просто не купишь. Видно деньги были у хозяина.

Корнилов сразу вспомнил перстень на руке Пирогова.

– А где он работает, не подскажете? Наверняка, большой начальник?

– Зеркальщик он. Ремонтирует зеркала.

– На деньги зеркальщика такой большой дом не купишь, – словно взвешивая что-то, произнес Корнилов.

– Вот и я, тоже так думаю, – произнесла женщина и, опираясь на палочку, направилась дальше.

«Вот бы «обнести» дом, – первое, о чем подумал Василий. – Добра, наверное – море».

До этого ему еще не приходилось воровать, и опыта в этой части преступной профессии у него не было. Корнилов сплюнул на землю и, взглянув на оскаленную пасть овчарки, направился в сторону своего дома. Теплое майское солнце ласкало его лицо, заставляя щуриться от

ярких лучей. Василий любил это время года, он глубже натянул на голову кепку и улыбнулся проходящей мимо него девушке. Бросив еще раз свой взгляд на высокий забор дома Пирогова, он закурил. Засевшая в его голове мысль о краже, похоже, намертво засела в его голове.

Корнилов плохо спал в эту темную весеннюю ночь. Перед глазами Василия по-прежнему стоял дом Пирогова, его сверкающий на солнце перстень. Он встал с койки и, прошлепав босыми ногами по полу, подошел к стоявшему на столе чайнику. Сделав несколько глотков, он снова вернулся на место. Сев на край койки, он закурил.

«Интересно, сколько их проживает в доме? Наверняка, жена, возможно, есть и дети, – размышлял он. – Одному голыми руками – не сладить. Нужно искать оружие, а для того, чтобы его приобрести, нужны деньги. Круг замыкается...».

Василий встал с койки, вышел на кухню и подошел к окну. Он не заметил, как на кухне появилась одна из соседок по коммунальной квартире.

«Кто не рискует, тот не пьет шампанское, – решил он. – Один «скачек» и ты богат, как султан».

– Ты что здесь делаешь, Вася? – спросила его Галина. – Ты, как настоящий футболист – в трусах, только мяча не хватает.

Женщина громко рассмеялась над внешним видом Корнилова. Налив из чайника кипяток, она присела напротив него.

– А тебе, что не спится, Галина?

– Мерзну, Вася. Некому погреть... – она опять громко рассмеялась, глядя на Корнилова.

Соседка была чуть старше Василия. В 1943 году она получила похоронку на мужа, который скончался в местах лишения свободы. Галина после возвращения из мест лишения свободы Корнилова старалась, как можно чаще попадаться ему на глаза, однако, то ли она вела себя вызывающе, то ли была не во вкусе Василия, но он почему-то не обращал на нее никакого внимания. Вот и сейчас Галина, словно кошка, неслышно подошла к нему сзади и положила свои мягкие и пухлые руки на плечи Корнилову. В этот раз Василий не сбросил ее руки со своих плеч, а лишь усмехнулся.

– Ну, что молчишь, Корнилов? Может, скажешь, тоскующей по мужскому телу женщине, пару ласковых слов? Не умеешь? Вот и мой не умел...

Василий бросил окурки папиросы в пустую консервную банку и, встав с табурета, обнял Галину. Ее мягкое теплое тело, тонкий запах духов «Красная Москва» ударили ему в голову. Рука Василия машинально скользнула по спине женщины и замерла на ее ягодицах. Найдя губами губы Галины, он замерз с ней в поцелуе. Корнилов неожиданно для себя почувствовал, как мелко задрожало тело женщины. Дыхание Галины стало редким и глубоким. Василий не был обласкан женщинами из-за косящего правого глаза и сейчас просто был растерян.

«Что дальше? А вдруг она просто смеется надо мной?», – пронеслось у него в голове.

Он замер, так как не знал, куда вести Галину – к себе в комнату, где сейчас спала его престарелая мать, или ждать приглашения со стороны женщины. Словно догадавшись, о чем задумался Корнилов, она взяла его за руку и потянула из кухни в сторону ее комнаты.

– погоди, погоди, Василий, – прерывисто дыша, произнесла она, когда он снова прижал ее к себе. – Да, отпусти, глупый... Пойдем ко мне, Вася...

Корнилов обнял ее за плечи и, погасив свет на кухне, проследовал за женщиной.

Шел третий день как Василий вел наблюдение за домом Пирогова, а вернее, изучал расписание Дмитрия Константиновича. Как ему удалось установить, семья хозяина богатого дома состояла всего из трех человек – жены и дочери.

«Интересно, а где он прячет свои деньги», – размышлял Корнилов, наблюдая за тем, как Дмитрий Константинович, запирает на ключ входную дверь. – Наверняка, у него есть тайник

и просто так он их не отдаст. Выходит, в случае отказа добровольно отдать деньги он должен его убить, а иначе он непременно расскажет сотрудникам милиции, что он обращался в отдел кадров Лынокомбината, а там все его данные».

Корнилов вышел из подъезда дома и медленно направился вслед за Пироговым. Дмитрий Константинович прошел мимо Лынокомбината и, не останавливаясь, направился к «маленькому мостику», соединявшему два берега старого русла Казанки.

«Интересно, куда он идет? – подумал Корнилов. – Как хорошо он ориентируется в городе, словно всю жизнь прожил в Казани».

Дмитрий Константинович, тяжело дыша, стал забираться по дороге, ведущей к бывшему Зилантьевскому монастырю. Остановившись около одного из домов, он стал стучать в деревянные ворота.

– Здравствуй, Антон Гаврилович! – поздоровался Пирогов с мужчиной средних лет, когда тот открыл ему калитку. – Как ваше здоровье... Давно мы не виделись.

Корнилов решил не ждать, когда Дмитрий Константинович вернется домой, и, насвистывая популярную мелодию из немецкого трофейного фильма, направился обратную сторону. Теперь он знал как «обнести» дом Пирогова. Проходя мимо Лынокомбината, Василий почему-то зашел в отдел кадров.

– А, это ты, Корнилов? – произнес инспектор отдела кадров, мужчина лет пятидесяти. – Что не заходишь? Здесь за тебя хлопотали уважаемые люди, а ты...

– Вы же сами мне отказали в приеме на работу, а сейчас спрашиваете, почему не заходил.

– Все течет, все изменяется в этом мире, – произнес инспектор, поправляя выгоревшую на солнце армейскую гимнастерку. – Вот, возьми бланк анкеты, дома заполнишь. Приходи завтра, нам очень нужны рабочие руки.

Василий взял в руки бланк и, попрощавшись, вышел на улицу. Ему верилось и не верилось в это свалившееся на него чудо.

«Может, не стоит трогать Дмитрия Константиновича. У меня в руках бланк заявления. Напишешь и считай, ты уже слесарь, – размышлял Василий, направляясь, домой. – А что скажут твои друзья, Корнилов? Продался за пайку государственного хлеба? С другой стороны – один раз рискнул и ты богат на всю оставшуюся жизнь».

Он остановился и, достав из кармана папиросы «Прибой», закурил.

– Привет, Корнилов! Идешь, сияешь, как медный пятак! Ты что, не узнаешь? – спросил его Петр Симаков, бывший его поделщик, который помогал ему оформлять больничные листы.

– А, это ты, Петр, – протягивая ему руку, произнес Василий. – Просто задумался, поэтому и не заметил...

– А я уж подумал, что ты богатым стал и уже старых друзей перестал замечать, – произнес Симаков и громко засмеялся.

– С чего ты это взял – богатый... Я, по-прежнему, скиталец и сиделец... Я смотрю, ты тоже неплохо выглядишь, словно только что из магазина.

– А я вот, в отличие от тебя, Корнилов, работаю. Ты даже не поверишь – начальником караула в одной «шараге». Мне даже «Наган» доверили, – произнес Петр и громко засмеялся, демонстрируя Василию кобуру с «Наганом», которая висела у него сбоку.

Корнилов скривил свои тонкие губы. Еще там, на зоне они разошлись – Петр влился в большую группу «мужиков», а Корнилов присоединился к ворам и блатным.

– Может, обмоем встречу? – предложил Василию Симаков. – Давно не виделись... Поговорим о жизни.

– Ты знаешь, Петька, я рад нашей встрече. Давай, встретимся, посидим, вспомним прошлое. Надеюсь, что в партию ты еще не вступил и меня уговаривать не станешь?

– Какая партия, Василий! Да брось ты эти понятия, сейчас жизнь другая без колючки и «вертухаев». Или ты все еще с блатными трешься?

– Посмотрим, какая она новая жизнь, в твоих понятиях, Петя. Я не против встречи, буду только рад.

Они пожали руки и разошлись в разные стороны.

9 мая 1945 года. Утром Левитан объявил о победе Советского Союза над фашистской Германией. Весь народ буквально высыпал на улицы города. Кругом гремела музыка, развевались красные знамена. Победа!

Василий Корнилов шел по улице, обходя группы людей, которые поздравляли его с победой. В кармане его пиджака лежал остро отточенный нож, который накануне он купил на колхозном рынке у безногого инвалида. Прежде чем купить его, Корнилов долго вертел его в руке.

– Вот возьми, – произнес он и передал деньги мужчине.

– С таким ножом и на медведя можно, – ответил инвалид.

– Можно, если очко железное, – ответил Василий и громко засмеялся над своей шуткой.

Сейчас он шел к дому Пирогова, ощущая приятную тяжесть металла в левом кармане старенького пиджака. Заметив наряд милиции и участкового инспектора, обслуживающего участок, на котором проживал Василий, он предусмотрительно перешел на другую сторону дороги. Встреча с участковым инспектором не входила в план Корнилова.

Сегодня утром Галина отнесла по указанному им адресу записку, в которой якобы Антон Гаврилович приглашал Пирогова в гости. Он представил, как удивится приятель Пирогова, встретив его на пороге дома. Он свернул в переулок и увидел дом Пирогова, от вида которого у Корнилова учащенно забилось сердце. Во рту стало предательски сухо.

«Не бойся, Василий, – попытался успокоить он себя. – Дома никого нет, тебе только остается найти тайник хозяина, и ты сказочно богат».

Около дома Пирогова Корнилов остановился и с опаской посмотрел на собаку, которая лежала около будки, высунув большой язык, тяжело дыша от жары. Заметив остановившегося у забора человека, собака угрожающе зарычала и медленно поднялась с земли. Звеня цепью и обнажив желтые крупные клыки, собака нехотя направилась в сторону Василия.

«Вот сволочь, – подумал Корнилов, наблюдая за псом. – Такая если схватит, не вырвешься».

Наконец, Василий решился. Он обошел дом и, перемахнув через забор, подошел к особняку с тыльной стороны. Ударом локтя Корнилов выбил стекло окна и, просунув внутрь руку, он открыл створку. Мимо дома с шумом и смехом прошла большая группа молодежи. Дождавшись, когда шум шагов затих, Василий проник в дом.

В доме царил полумрак, вкусно пахло пирогами. Корнилов, осторожно ступая, прошел в зал и начал шарить по ящикам комода, вытряхивая их содержимое на пол.

«Где же деньги, ценности?», – размышлял он, понимая, что бывший чекист Пирогов не станет держать ценности в ящиках комода.

Временами Василий бросал свой взгляд на ходики, висящие на стене, которые мерно отстукивали время.

«Где ценности? – спрашивал он себя, продолжая выбрасывать на пол полотенца и наволочки из шифоньера. – Не может быть, чтобы у них не было денег! Такого просто не может быть!»

Проверив шифоньер и, не обнаружив там денег, Василий присел на табурет. Пот застилал ему глаза, руки мелко дрожали, а голова раскалывалась от охватившего его отчаяния. Корнилов снова ринулся к шифоньеру и начал собирать наиболее ценные носильные вещи. Сложив

их на столе, он связал углы скатерти, превратив ее в узел. Узел получился довольно массивным. Он подтащил его к раскрытому окну и вытолкнул его во двор.

Неожиданно Василий услышал, как щелкнул замок входной двери и в дом с шумом вошли хозяева. Корнилов моментально ощутил чувство страха: сердце застучало где-то на уровне горла. Он затаил дыхание и, открыв створку, спрятался за шкаф.

– Дмитрий! Что это? – услышал он возмущенный голос супруги. – Похоже, пока мы ходили, нас обокрали.

– Похоже, – тихо произнес Пирогов. – Вот сволочи...

– Нужно вызвать милицию! – громко произнесла хозяйка. – У тебя же есть знакомые в милиции, давай, звони!

– погоди! Не трещи! Милицию мы можем вызвать в любой момент! А вот и часть собранных ими вещей. Видимо приготовили вытащить, но не успели.

Корнилов затаил дыхание. Опасность чувствовалась везде. Ей было насыщено все пространство дома. В какой-то момент Василию вдруг захотелось стать таким маленьким и прозрачным, чтобы остаться незамеченным хозяевами. Его обостренный слух услышал, как щелкнул курок взведенного пистолета. Ноги Василия стали ватными, а по спине потек ручеек пота.

Корнилов сунул руку в карман пиджака и, выставив в кармане большой указательный палец, имитируя огнестрельное оружие, он вышел из-за шкафа.

– Брось пистолет! – громко произнес Корнилов. – Брось, иначе убью не только тебя, но и всю твою семью! Я не один и если ты выстрелишь, то точно погубишь всех!

Василий не спускал своего взгляда с лица Пирогова, который растерянно топтался посреди комнаты. В руке Пирогова был пистолет.

– Отдай, деньги и мы уйдем! – предложил ему Корнилов. – Зачем они тебе, они не стоят вашей жизни.

– Хорошо, я отдам тебе деньги, – тихо ответил Пирогов. – Пообещай, что ты не убьешь жену и дочь.

– Зачем тебе мое обещание? Ты же все равно, мне не веришь. Подумай...

Дмитрий Константинович медленно опустил пистолет и положил его на стол.

– Отойди в сторону! – скомандовал ему Василий. – Я сказал, отойди в сторону!

Жена Пирогова – Марфа, женщина средних лет, хотела что-то сказать, однако страх сковал ее всю – от ноготка ноги до волоска головы. Она только мычала и крутила головой из стороны в сторону, переводя свой взгляд с мужа на налетчика.

– Отдай мне деньги и я оставлю вас живыми! – еще раз тихо произнес Корнилов. – Ты понял меня? Я не хочу вас убивать.

– Нет у меня денег. Были, а сейчас нет, – ответил Пирогов.

Он, видимо, понял, что перед ним стоит не матерый налетчик, а дилетант и он сейчас не меньше напуган, чем он.

– Мы же договорились с тобой... Снимай перстень! – приказал Пирогову налетчик. – Погреб есть?

Хозяин, молча, кивнул.

– Открывай! Я сказал, открой погреб!

Дмитрий Константинович откинул в сторону дорожку и, ухватившись за металлическое кольцо, открыл погреб. Василий посмотрел на Пирогова.

– Значит, не договорились. Спускайся! – приказал он хозяину и когда тот сделал несколько шагов вниз, с силой ударил его ножом в шею. Пирогов вскрикнул и исчез в темном чреве погреба. Увидев это, Марфа потеряла сознание. Корнилов схватил ее за волосы и потащил к погребу. Последовало несколько глухих ударов и безжизненное тело женщины повалилось в погреб.

Василий сел на табурет, его всего трясло от пережитых минут страха. Он поднял с пола перстень, взял в руки пистолет и сунул его в карман. Затем схватил второй узел с вещами и выбросил его в окно. Снова заскрипела входная дверь и Корнилов, словно разжатая метнулся к раскрытому окну. Лишь оказавшись на многолюдной улице, он почувствовал, что страх стал медленно отпускать его. Закурив, он забросил узлы за плечи и направился в сторону дома.

Оперативная группа НКВД заканчивала осмотр места преступления. Судя по трупным пятнам на теле, убийство супружеской пары произошло более трех суток назад.

– Павел! Как думаешь, сколько было налетчиков? – спросил оперативника начальник ОББ (отдел по борьбе с бандитизмом).

– Я, что – Бог, Геннадий Алексеевич? – вопросом на вопрос, ответил ему Максимов. – Судя по большому количеству разбросанных вещей, их было не больше двух человек. Думаю, что причиной убийства являлся эксцесс исполнителя или, как говорят в народе, хозяева застали вора на месте преступления, вот он и психанул.

– А ты, как думаешь, Исмагилов?

Тот удивленно посмотрел на начальника и пожал плечами. Забрав с собой фотоаппарат, он вышел в соседнюю комнату.

– А ты, как думаешь, Максимов, зачем преступник убил этих стариков? – снова спросил оперативника Лосев. – Он ведь мог их просто закрыть в этом погребе? А здесь – «мокруха».

– Я думаю, что преступник и потерпевшие, возможно, знали друг друга, это и послужило причиной их убийства. А так, зачем убивать? Нужно отработать всех их родственников, друзей, знакомых и это нужно сделать как можно быстрее...

Павел Михайлович Максимов, пришел в НКВД два года назад после тяжелого ранения, полученного во время боев на Курской дуге. Глядя на его внешность, трудно было предположить, что он мог выжить после таких тяжелых ранений. Высокий, стройный, с большими серыми глазами, он был душой отдела. Природа одарила Максимова не только привлекательной внешностью, но и аналитическим умом. Казалось, что он видел то, что не видели другие сотрудники отдела, и именно, эти мелочи порой выводили его на след преступников. Бывший армейский разведчик, он предпочитал отталкиваться в своей работе только от фактов, а не от эмоций.

Павел прошел в соседнюю комнату, в которой участковый уполномоченный Строкин опрашивал соседей Пироговых.

– Ну, что скажешь Сережа? – спросил его Павел Михайлович. – Есть что-то интересное?

– Трудно сказать пока, товарищ Максимов. Вот, Грушина Фекла Гавриловна, говорит, что три дня подряд здесь отирался молодой человек лет двадцати пяти. Все говорит, выглядывал кого-то.

– И что это за парень? Местный?

– Нет. У него еще один глаз вроде бы косил чуть-чуть.

– И это тебе все Фекла рассказала? – улыбаясь, спросил Строкина оперативник. – И сколько лет Фекле то?

– Около девяноста, – ответил участковый и улыбнулся.

– Вот и делай вывод, лейтенант. В эти годы люди словно дети.

Максимов развернулся и вышел из комнаты.

Галина стояла у окна и ждала Василия. Сваренный ею суп уже давно остыл. Корнилов появился во дворе дома не один. Его вели под руки незнакомые ей мужчины. Она отошла

от окна и присела на стул. Сердце болезненно напомнило о своем существовании. Глубоко вздохнув, она взяла себя в руки.

– Ты где был? – строго спросила его Галина. – «Нажрался», сволочь!

Василий что-то произнес непонятное и, не раздеваясь, повалился на диван. Галина громко выругалась матом и стала стягивать с него сапоги, а затем и брюки. Из кармана брюк что-то выпало и, сверкнув в лучах электрической лампы, покатилося под стол. Она нагнулась и ахнула – это был мужской перстень с большим зеленым камнем. Она подняла его и стала рассматривать. Перстень был довольно массивным и, судя по вензелям, украшавшим ювелирное изделие, был семейной реликвией какого-то дворянского рода.

«Откуда у Васьки этот перстень? Наверняка, украл», – сделала она вывод и, посмотрев еще раз на камень, который играл на свету, сунула его в карман своего халата.

В комнату без стука вошла мать Корнилова и, глянув на распластанное тело сына, перекрестилась.

– Как он? – спросила она Галину. – Не буянил?

– Как видите, маменька, пьяный в стельку. Где в этот раз взял деньги, если честно, не знаю. Не работает, в дом ни копейки, а на водку вот находит. Вы думаете, что я его должна содержать, бугая такого? Вот проспится, пусть собирает свои манатки и уходит к вам. Зачем мне такой мужик? От него, как от козла – ни молока, ни шерсти.

– Господь с тобой, Галина! Не дай пропасть мужику. Ты же знаешь, что мне восьмой десяток пошел, недолго мне осталось топтать эту землю. Прости его, Христом-Богом прошу...

Женщины вышли на кухню. Галина поставила на примус чайник и села за стол. Рядом с ней присела и мать Василия Корнилова. Старуха достала из кармана старой цветастой юбки обручальное кольцо и сунула ей в руку.

– Это тебе от меня подарок – примирительно произнесла старушка. – Мне оно от мамы еще досталось.... Царство ей небесное.

– Что вы делаете, Варвара Борисовна! Ни к чему все это. Вы, что думаете, я с вашим Василием из-за золота буду жить? У вас денег не хватит на это...

Галина положила кольцо на стол и посмотрела на старушку.

– Возьми, возьми, Галина! Васька, если найдет – пропьет, а тебе пригодится, – произнесла она примирительным голосом.

Старушка встала из-за стола и, шаркая стоптанными старыми ботинками, направилась в свою комнатку.

Корнилов проснулся рано. Встав с кровати, он прошлепал голыми ступнями к столу и, взяв графин с водой трясущими руками, начал жадно пить. Допив воду из графина, он поставил его на стол.

– Ну, как? – спросила его Галина. – Сушняк мучает?

– Умираю, дай опохмелиться, Галка...., – скорее простонал, чем произнес Корнилов. – Не дай умереть....

– Не умрешь, сволочь, такие, как ты – алкоголики, от этого не умирают, – ответила Галина. – Где пил, там и похмеляйся.

Василий лег на кровать и закрыл голову подушкой. Его мутило, и каждую секунду он был готов вскочить с кровати и броситься к оцинкованному тазу, который предусмотрительно поставила около дивана Галина.

– Ой, умираю, – простонал он. – Помогите! Господи, спаси и помилуй!

Его вырвало и на какой-то миг Корнилову стало чуть легче.

– И где ты вчера так набрался? – спросила его сожительница, наблюдая за его мучениями. – И скажи, Васенька, откуда у тебя перстень взялся? У кого ты его украл?!

Василия словно прострелило от этих слов. Он буквально вскочил на ноги и бросился к брюкам. Корнилов вывернул карманы – перстня в них не было.

– Отдай! – с угрозой в голосе, произнес Василий. – Не играй с огнем, Галина!

– Не пугай, милый, я пуганная! – с усмешкой ответила Галина. – Ишь ты, орел, какой! Вчера ты сам мне подарил этот перстень, а теперь пугаешь убийством! Что не помнишь? Вот и я говорю, пить меньше надо, Корнилов!

Василий сморщил лицо, стараясь вспомнить прошедший вечер. Но сколько он не вспоминал, вспомнить ничего не мог.

– Это правда? Да не мог я его тебе подарить! Отдай!

– Тогда откуда я знаю про этот перстень? Ты сам вчера подарил его мне, – повторила она. – Говоришь, продай, но аккуратно, слишком дорогая и редкая вещь.

Корнилов слушал все это, не веря своим ушам.

«Как я мог так легко проболтаться, – размышлял он, на какой-то момент, забыв о боли в голове. – Что я еще вчера наговорил? Может, рассказал о своей встрече с Симаковым? Наверное, рассказал, смотри, как она смотрит на меня».

– Чего молчишь? – строго спросила его Галина. – Давай, Вася, выкладывай все.

Он задумался, не зная с чего начать. Галина не спускала с него своих больших холодных глаз.

– Ну, я жду.... Мне что, пытаться тебя надо? Я ведь все могу...

Василий посмотрел на нее. Приступ тошноты снова подкатил к его горлу.

– Ну, короче, загубил я вчера двух стариков, вещички собрал, но кто-то вошел в дом и я выскочил в окно, – начал он. – Вот, только успел с собой перстенок захватить. Мне еще на зоне товарищ рассказывал, что во время войны многие обогатились за счет других, вот я и подумал, а почему мне не тряхануть этих людишек....

Он специально не сказал ей о припрятанных в сарае вещах.

– Где вещи? Где ты их спрятал?

– Какие вещи? – переспросил он. – С чего ты взяла?

– Где вещи? – снова спросила Галина Василия. – Ты мне вчера говорил о вещах!

Вопросы Галины были теми последними гвоздями, которые окончательно сломили волю Корнилова.

– Я их в сарае у Петьки спрятал. Побоялся я их нести домой.

– Какого такого еще Петьки?

– Друг мой... Короче, поделщик...

Галина слушала все это абсолютно спокойно, ни один мускул на ее лице не дрогнул. Она догадывалась и раньше, по-соседски наблюдая за Корниловым, что этим все закончится, и вот это произошло.

– Кто еще об этом еще знает?

– О чем?

– Ты что не понял?

– Симаков.... Да, ты не переживай, он – надежный кореш.

Галина, молча, достала из шифоньера бутылку водки и протянула ее Василию.

– Вот возьми, а то помрешь, сволочь....

Старший оперуполномоченный ОББ капитан милиции Максимов Павел Михайлович вышел из кабинета начальника отдела и сразу же направился во двор. Настроение после разговора с Лосевым было окончательно испорчено.

– Ильин! Папироской не угостишь? – обратился Павел к сослуживцу.

– Так вы же не курите, Павел Михайлович.

– С нашим начальством не то, что закуришь, запьешь, – ответил Максимов, прикуривая папиросу.

Полчаса назад его вызвал к себе начальник отдела.

– Что у нас нового по двойному убийству? – спросил он у Максимова. – Там наверху требуют конкретных результатов. Город гудит, а это нехорошо, Павел, это не прибавляет нам авторитета. Ты знаешь, всем нужны результаты, а не разговоры о них.

– Причем здесь авторитет, Геннадий Алексеевич. Зацепок пока никаких нет. Опросы соседей, друзей, родственников ничего не дали. Пироговы вели замкнутый образ жизни, ни с кем не общались, – произнес Максимов и посмотрел в открытое окно, за которым во всю победным маршем шествовала весна.

Яркая зелень молодой листвы яркими пятнами облепила заборы и фасады дома. Где-то натружено гудел мотор полуторки, словно напоминая Павлу, что не только ему одному трудно в этот весенний день.

– Ты, что там рассматриваешь, Максимов? Ты хоть слышал, о чем я тебя спрашиваю?

Павел повернулся к нему лицом.

– Да, конечно, слышал, товарищ майор. Я же вам ответил на ваш вопрос. Прошло всего дня два с момента обнаружения трупов. Я же вам уже докладывал, что с места преступления изъять следы пальцев рук не удалось. Кстати, накануне вечером убитый Пирогов отмечал свой день рождения, и у него в гостях было около десятка гостей. Сейчас работаем с ними, допрашиваем, откатываем пальцы на всякий случай.

Лицо Лосева стало краснеть прямо на глазах у Павла. Это был не слишком хороший признак для Максимова – следовало ждать разноса.

– Я не первый день в милиции, Павел Михайлович, и хорошо знаю специфику работы по раскрытию убийств. Это можно рассказывать штатским, но не мне! – повысив голос до фальцета, взвизгнул Лосев. – Мне глубоко плевать, кем ты был ранее, сейчас ты мой подчиненный и должен выполнять мои указания. Это тебе ясно? Если не хочешь, пиши рапорт...

Лицо Максимова, было совершенно спокойным, он хорошо знал своего начальника, и сейчас для него было очень важно просто пережить минуты его «суворовского натиска». Лосев «пошел в разнос»: он кричал, топал ногами, зачем-то хватал со стола бумаги и тряс перед носом Максимова.

Сегодня утром Павел встречался со «своим человеком», который клялся, что блатные не имеют никого отношения к этому налету.

– Павел Михайлович! – жестикулируя руками, горячился Хрящ. – Это – не наше дело. Мы считаем, что это совершили какие-то залетные.

– Почему вы так решили? – спросил его Павел.

– А потому что налет то был не профессионально организован. Похоже, это просто был «рывок» в надежде на деньги. Они даже не взяли то, что собрали, похоже, испугались.

– Я бы так не сказал, Хрящ. А если они взяли деньги, тогда зачем им это барахло? И второе, откуда у тебя такие сведения?

Хрящ, словно не услышал вопроса Максимова.

– Вот сам подумай, – продолжил оперативник, – если они взяли деньги, то зачем им «мочить» стариков? Здесь что-то не так, Хрящ. Это дело рук наших, городских бандитов.

– Тогда не знаю, Павел Михайлович. Я, конечно, еще «понюхаю»...

– Давай, Хрящ, «нюхай».

Максимов, конечно, рассказал об этой встрече Лосеву, когда тот немного успокоился, но тот замахал на него руками.

– Да мне плевать, Павел, кто это совершил – наши местные или «залетные». Мне важен результат. Ты это понял? Если понял, иди, работай...

Павел не ответил – начальник, как обычно был прав, нужен результат. Он загасил папиросу и направился к себе в кабинет.

Петр Симаков поставил недопитую кружку с пивом на стол и расстегнул нижнюю пуговицу военного кителя. Этот китель он купил по случаю и сейчас очень гордился тем, когда его принимали за фронтовика.

– Вот смотри, – произнес он и протянул Корнилову сверток.

Василий осторожно развернул ткань и увидел немецкий «Парабеллум». Черная матовая поверхность, рифленая рукоятка вызвали неописуемый восторг.

– Где взял? – поинтересовался у него Корнилов.

– Места нужно знать, – ответил Симаков и громко засмеялся. – Теперь можно идти на любое дело.

– Нужен еще один ствол, – произнес Василий. – Одного мало. У меня есть пистолет, но он не стреляет, похоже, сломан боек.

– Лиха беда, Вася, найдем еще. Ты посмотри, сколько ходит «мусоров» с оружием. Это же ходячие склады.

Василий отхлебнул из кружки пиво и усмехнулся.

– Пока не будет еще одного ствола, не будет и дела. Я – не мясник и с топором не пойду. С твоим «Наганом» тоже нельзя, он, наверняка, на учете в НКВД, стоит только из него выстрелить и крышка тебе, Петушок.

– Ты прав. Мало нас, Корнилов. Некому даже на «стреме» постоять...

– Подожди, Петя, будут и люди... Главное начать.

– Слушай, Вася, а давай, привлечем к нашему делу Лешку Бабаева? Шустрый мальчишка, дерзкий, а самое главное – не болтун, язык держать за зубами умеет.

– Да, он совсем пацан, Петр. Ты еще пионеров мне предложи.

– Ну и что? Я хорошо его знаю, думаю, что не подведет.

– Тогда поговори с ним сам, только без всяких там выкрутасов. Ты сам догадываешься, к чему все это может привести.

– Ты меня не учи, Корнилов, я не первый раз замужем. Тогда до завтра...

Они разошлись в разные стороны, Василий направился домой, а Симаков на работу. Вечером Петр встретился с Алексеем Бабаевым. Он хорошо знал, что тот, несмотря на свои шестнадцать лет, уже привлекался к уголовной ответственности за кражу, но по-прежнему продолжал понемногу воровать.

– Как дела Леша? – поинтересовался у него Симаков. – Все «щиплешь» старушек?

– Кормлюсь потихоньку, – ответил Бабаев, доставая из кармана брюк папиросы. – Кури, Петя, пока угощают...

Лешка был небольшого роста, светлые длинные волосы делали его лицо по-детски наивным и смешным. У него были пухлые губы, небольшой курносый нос и множество веснушек, которые буквально разбежались по его круглому лицу. Паренек носил черные матросские клешы, тельняшку и белый шарф, который смешно смотрелся на его тонкой детской шее.

– Хочешь заняться серьезным делом? – поинтересовался у него Симаков. – Чего молчишь?

Бабаев, прежде, чем ответить, глубоко затянулся табачным дымом и с интересом посмотрел на своего собеседника. Он знал, что Петр был судимым, но считал его статью смешной и не достойной настоящего воровского шика.

– Что, решил опять заняться подделкой больничных листов, дядя Петя? – ответил Бабаев и громко засмеялся. – Да не смешите вы меня! И что ты называешь серьезным делом, Петр?

– Не пыли, малыш. Как ты смотришь на настоящие налеты – на хаты? «Хапнул» и в болото! Одно дело – настоящая романтика.

С лица Лешки сошла напущенная им бравада.

– Какие налеты? Так если же сгорим – там стенка... Ты же знаешь, Петр, я – не трус, но то, что ты предлагаешь, дело серьезное.

Симаков бросил папиросу и носком сапога растер ее о землю.

– Малыш, ты считаешь, что это несерьезное дело? А вот «тырить» по карманам копейки, это серьезно? Не смей меня.

Лешка поправил на шее шарф и по-другому посмотрел на Симакова.

– Так я не понял тебя – это серьезное предложение или твоя очередная шутка? Со мной так шутить не нужно, я не люблю этого.

– Серьезней не бывает, Малыш. Но для этого тебе нужно достать ствол. Где ты его достанешь – дело твое. Без ствола не будет и разговора.

– Я найду, у меня есть у кого купить.

– Вот и хорошо, Малыш.

Бабаев пожал руку Петру.

– Думаю, ты не пожалеешь, что остановил свой выбор на мне, – произнес Бабаев. – Это я серьезно говорю...

Алексей развернулся и, насвистывая какой-то мотивчик, направился со двора на улицу.

Василий Корнилов проснулся от звуков гимна, которые звучали из черной, обтянутой бумагой «тарелки», висящей на стене. Он поднялся с кровати и, достав папиросу, закурил. Почувствовав на себе взгляд Галины, он повернулся к ней лицом.

– Когда пойдете? – спросила Галина сожителя.

– Завтра, – коротко ответил Василий ей. – Чего так смотришь?

– Я на сто процентов уверена, что там есть, что взять. Насколько я знаю, ее сын много добра привез из Германии... он у них – полковник.

– Посмотрим, – коротко ответил Корнилов. – Не беги впереди паровоза.

– Я врать не буду, – произнесла Галина и, поднявшись с кровати, прижалась к спине Корнилова. – Все будет хорошо, Василий... Не переживай, это по первому разу страшно, а затем

Она не договорила, так как и без этого все было ясно. Корнилов загасил папиросу и снова лег. Рядом с ним прилегла и Галина. Близость женского тела, запах волос вскружил голову Василию. Он моментально почувствовал, как куда-то уходит, мучавшая его последние дни тревога, которая засела в нем, как Галина рассказала ему о семье Мифтаховых, проживающей на Малой Грифке.

Ладонь Корнилова, легла сначала на грудь Галины, а затем медленно спустилась на теплый мягкий живот. Галина еле слышно застонала и стала быстро стягивать с себя ночную рубашку.

– Погоди, Вася, погоди, – прошептала она. – Сейчас, я сейчас...

Легкая дрожь охватила женское тело. Губы Василия поймали ее сосок, который стал жестким, словно в него налили свинец. Наконец ей удалось поймать своими губами его губы, и они слились в одном неистовом поцелуе. Глаза женщины закатились, дыхание стало глубоким и редким. В какой-то миг время растянулось до бесконечности. С губ Галины сорвался стон болезненного счастья.

– Вася, Вася, – не слыша своего голоса, шептали ее губы, целуя мужское лицо. – Я люблю тебя. Ты слышишь, я люблю тебя, Вася. Я тебя никогда не предаю.

Услышав последнюю фразу, Корнилов улыбнулся. Раньше ему еще никто не признавался в любви, и поэтому какое-то непонятное ему чувство моментально наполнило его изнутри. А Галина все шептала и стонала от охватившего ее удовольствия. Громко вскрикнув, она замерла и крепко сжала Василия в своих объятиях, не давая ему возможности шелохнуться.

– Все, все, – прошептал Корнилов. – Отпусти, а то задушишь.

Наконец она отпустила его и блаженно откинулась на белой простыне. Василий достал папиросу и закурил.

– Вот скопим деньжат, Галка, и махнем с тобой жить на море, – произнес он, мечтательно глядя в потолок. – Ты когда-нибудь была на море? Вот и я не был. Мой кореш по зоне часто рассказывал мне о море. Бывало лежу на нарах, слушаю его, а перед глазами – море, которому нет начала и нет конца... А какие там бывают закаты и восходы... Одно слово – сказка.

Корнилов мечтательно затянулся дымом и закрыл глаза.

– Вась, а как ты считаешь, у инкассаторов много денег бывает?

Корнилов, повернулся к ней лицом и засмеялся. Он посмотрел на ее обнаженное тело. Перевел свой взгляд на играющие в лучах солнца женские волосы и снисходительно улыбнулся.

– Глупая ты баба, Галина. Таскают они эти деньги мешками, а вот у самих есть или нет – сказать трудно. Вот когда схватим за задницу, тогда и посмотрим.

Василий посмотрел на ходики, они показывали начало восьмого утра. Он поднялся с кровати и стал натягивать брюки.

– Это ты, куда в такую рань? – спросила его Галина.

– Как куда? На дело! Надо еще посмотреть, что там.

Корнилов старался вести себя спокойно и непринужденно, но это была лишь маска. У него внезапно возникло чувство страха и словно гвоздь застряло где-то внутри. Чтобы как-то побороть это чувство, Василий взял в руки «Парабеллум» и передернул затвор.

– Вась, а ты стрелять хоть умеешь? – спросила его Галина. – Ты хоть потренировался бы.

– Могу. Я до войны занимался стрельбой. Думаю, что если придется, то не промахнусь.

Он сунул пистолет за поясной ремень и, надев на голову кепку, направился к двери.

Корнилов, хорошо ориентировался в этом микрорайоне Казани и поэтому достаточно быстро подошел к условному месту встречи. Там его уже ждали Симаков и Бабаев. Взглянув на землю, Василий сразу понял, что ждут они его уже давно, на земле валялось с десятков окурков папирос.

– Что скажешь? – обратился он к Бабаеву. – Подкоп сделал?

– Я все сделал, как ты просил, Василий. Подкоп готов.

– Тогда веди, – коротко бросил он Алексею, – чего здесь толкаться.

Высокие деревянные заборы домов позволили им скрытно подойти к нужному месту – подкопу.

– Вот здесь, – произнес Бабаев и откинул в сторону набросанные в кучу ветки.

– Давай, лезь первым, – приказ Корнилов ему. – Смотри не застрянь.

Алексей скрылся в лазе. Подождав еще минут, по приказу Василия в лаз полез и Симаков. Во дворе громко залаяла собака, Корнилов отбросил окурки папиросы в сторону и, несмотря на внезапно охвативший его страх, тоже спустился в лаз. Подкоп был довольно узким и Василий дважды чуть не застрял в проходе. Проклиная все на свете, он, наконец, выбрался наружу и глубоко вздохнул. Они все оказались за высоким забором дома.

– Вот что, не мелочиться! – приказал Корнилов своим приятелям. – Берем только ценные вещи, деньги и золото.

– А если проснутся хозяйева, что будем делать? – спросил его Алексей.

Корнилов улыбнулся. Он мысленно представил полные ужаса глаза хозяйев дома. Василий провел рукой по горлу. Это жест понял каждый из них.

– Понял, – тихо произнес Бабаев. – Не знаю как вы, а я готов.

Они, стараясь не шуметь, осторожно сняли штапики со стекол кухонного окна и, выставив стекла, быстро забрались в кухню. Помещение было небольшим и было все заставлено коробками с немецкими сервизами и хрусталем.

– Вот буржуи, – прошипел Корнилов, – «нахапали победители».

В углу на столе стояла керосинка, на которой, словно на картинке, красовался дорогой и редкий по тем временам, эмалированный чайник. Алексей осторожно открыл створку шкафа и стал шарить рукой в шкафу, вытаскивая из него кухонную утварь. Увлечшись этим занятием, он случайно задел рукой, стоявший на столе заварочный чайник, который с грохотом рухнул на пол. Это было так неожиданно, что налетчики буквально застыли на месте. Василий поднял руку с намерением ударить Бабаева по лицу, но в это время на кухню вошла старушка, дремавшая чутким стариковским сном и просыпавшаяся от каждого шороха в доме.

– Кто здесь? Кого черт носит? – произнесла она, шаря рукой по стене в поисках выключателя.

Бабаев, не раздумывая, с силой ударил старушку «фомкой» по голове. Удар был таким сильным, что находящие на кухне налетчики отчетливо услышали хруст треснувшего черепа. Несколько крупных капель крови и мозгов угодили Корнилову в лицо. Старушка вскрикнула и, схватившись за разбитую голову руками, с шумом повалилась на пол.

– Ты что творишь? – прошипел Василий, схватив Алексея за руку. – Замочу!

– Ты сам говорил, если что – мочить! – ответил Алексей, вырывая свою руку из руки Корнилова.

Услышав шум падения тела, в кухню сбежалась вся семья. Корнилов схватил за грудки хозяина дома и ударил его несколько раз финкой в живот. Еще находясь в местах лишения свободы, Корнилов хорошо усвоил правило, согласно которому, нужно сразу подавить желание противника оказать активное сопротивление. Единственным человеком в доме, кто мог реально оказать им сопротивление, был именно его хозяин.

– Где деньги! Говори, сука, а то убью всех! – закричал он в лицо хозяина дома. – Говори!

Мужчина хотел что-то сказать, но из его горла вырвался какой-то непонятный для Василия хрип. Корнилов повернулся лицом к женщине и схватил ее за волосы.

– Деньги! Где деньги, сука!

Женщина замотала головой. От охватившего ее страха она потеряла дар речи. Василий ударил ее ножом в горло.

– Чего смотрите! Деньги ищите! – закричал Василий остальным взрослым членам семьи.

Они бросились по комнатам в поисках тайников с деньгами. В одной из комнат спали дети. Когда в комнату вошел Бабаев, дети, проснувшиеся от шума, забились в угол и укрылись с головой одеялом.

– Корнилов! Здесь дети, что с ними делать? – спросил его Алексей.

– Мочи! – крикнул ему Василий, роясь в шифоньере.

Бабаев достал из-за голенища сапога нож и направился к детям. Вскоре, набив узлы вещами, они покинули ограбленный ими дом.

Ранним утром прошел сильный дождь с громом и молниями, от которого воздух в городе стал заметно свежее и прозрачнее. На улицах плыл терпкий запах цветущей сирени и черемухи. Капитан Максимов вышел из отдела НКВД и, взглянув на яркое летнее солнце, неожиданно для себя вспомнил, что сегодня воскресный день. Еще в среду он пообещал сыну, что они проведут этот день на островах «Маркиз», где будут рыбачить.

«Что я опять скажу мальчишке, что я занят на работе? Если так пойдет и дальше, то он вообще перестанет верить мне», – подумал Павел.

– Дяденька! Папироской не угостишь? – обратился к нему мальчишка лет тринадцати.

На мальчишке была старенькая застиранная рубашка, короткие штаны и стоптанные ботинки. Максимов перевел свой взгляд на его грязные руки, которые тот пытался спрятать в карманах своих коротких брюк.

– А не рано тебе курить, пацан? – спросил его Павел и потрепал мальчика по длинным нестриженным волосам. – Нет у меня папирос, пацан, я их еще ночью выкурил. Скажи, у тебя отец есть?

Мальчишка отрицательно покачал головой.

– Нет! Мой папка погиб при взятии Варшавы. Он у меня был танкистом.... Мамка говорит, так и горел в своем танке.

«Вот так и мой мог бегать по улице, прося папиросу», – почему-то подумал он, продолжая наблюдать за мальчишкой, который, заметив прохожего, бросился к нему в надежде «стрельнуть» у того папиросу.

По улице, сверкая медью труб, прошел военный оркестр. Звуки музыки заставили Максимова остановиться и проводить его взглядом. До войны он тоже играл в духовом оркестре на альте и сейчас звук меди почему-то снова напомнил ему об умершей жене, с которой он познакомился на танцевальной площадке. Оркестр скрылся за поворотом улицы, автоматически вернув Максимова из прошлого в настоящее.

Зверское убийство семьи инкассатора напугало весь город. По Казани поползли слухи о неуловимой банде, с которой не может совладать милиция. Павел, как и все сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом, «круглили» вторые сутки. Они «шерстили» притоны, воровские «малины», скупщиков краденного, но выйти на след банды не удавалось.

«Кто эти налетчики? Новички или профессионалы? Кем бы, они не были, хранить награбленное добро у себя дома – опасно. Следовательно, они должны сбывать это добро скупщикам, однако, проверки у них ничего не дали. Значит, сбыт идет не в Казани, а в каком-то другом городе?» – размышлял Максимов, шагая по улице.

Мимо него с шумом промчалась ватага мальчишек. Павел свернул к пивной и сразу же увидел Хряща, который стоял за отдельным столиком и медленно цедил из кружки пиво. Максимов прошел мимо него и, купив пару кружек пенного напитка, стал искать место, где можно встать.

– К вам можно? – спросил он у Хряща. – Я вижу, что стол у вас не занят?

– Падай, мужик! – произнес тот, сверкнув на солнце золотой фиксой. – Столик большой, как наша страна, всем места хватит.

Максимов поставил на столик свои кружки и посмотрел на «Хряща».

– Закурить не будет? – обратился он к Хрящу. – Извини, поиздержался.

– Кури свои, меньше будешь кашлять, – ответил тот и громко засмеялся. – Шутка!

Хрящ похлопал себя по карманам брюк и, достав пачку папирос «Беломорканал» положил ее на стол пере Максимовым.

– Кури, братишка.

Павел взял папиросу и закурил. Он посмотрел по сторонам. Люди стояли за столами и о чем-то беседовали. Никто на них не обращал внимания.

– Что скажешь? – спросил он Хряща. – Есть что-то новое?

– Я перетер эту тему с нашими авторитетами, все в отказе. Я же вам говорил, начальник, что наши люди здесь не при делах. Такое, что творят эти «друзья», могут совершать лишь серьезные люди, а таких у нас в Казани, просто нет.

– погоди, Хрящ, меня интересует, что они говорят? – задал Павел очередной вопрос. – Ты же сам понимаешь, что все это сделали люди, а не призраки? Может, ты просто мелко плаваешь, Хрящ, и не знаешь то, что знают другие?

Хрящ сплюнул себе под ноги и зло сверкнул глазами. Ему было обидно за то, что Максимов усомнился в его авторитете.

– Зуб даю, начальник, что это сделали не наши урки! – стукнул себя в грудь Хрящ. – Наши украсть могут, «подрезать» могут, а вот так, всю семью и деток, нет у нас таких. Нам самим интересно посмотреть на этих гадов.

– Так ищите, а иначе мы вас начнем закрывать всех до одного. Вот тогда вы все «запоеете».

– За что, начальник? Это – беспредел, а его творить не нужно. Мы же до этого как-то жили – мы воровали, вы ловили и сажали. Все было по закону и не было никаких претензий со стороны блатного мира.

Максимов посмотрел на него и усмехнулся.

– Мира между нами никогда не было и никогда не будет! Ты это понял, Хрящ! Я вас всегда давил и давить буду. Ну, что ты, так смотришь на меня? Ты знаешь, в чем у нас разница с тобой? Вижу – не знаешь! Мы вас «мочили» и будем «мочить». Ты понял Хрящ. Нюхай и нюхай. Если это дело дойдет до Москвы, сам понимаешь, что будет с вами. Вас всех упакуют в «стольпинские вагоны» и поедете вы далеко на север, к мишкам.

Павел снова достал из пачки папиросу и закурил. Он посмотрел по сторонам и убедившись, что они не вызывают никакого интереса у окружающего их народа, продолжил:

– Нет, Хрящ, как не крути, а это – местные преступники, – произнес убежденно Максимов. – Кто они, пока я не знаю, но, то, что они – местные, это точно.

– Если это так начальник, то шила в мешке не утаишь. Как сказал один умный мужик – все тайное становится не тайным.

Максимов рассмеялся.

– Философ, ты хреновый... Нюхай, Хрящ, а иначе подсядешь вместе с братвой... Ты же сидеть не хочешь?

– А кто хочет? Там не курорт...

– Вот и я об этом.

Оперативник развернулся и, поставив пустую кружку на стол, направился по улице дальше.

Галина Морозова шла по улице Ленина города Зеленодольска, всматриваясь в указатели номера домов. В доме номер восемнадцать жила ее бывшая свекровь – Нина Ивановна Галицина. Они не виделись чуть больше двух лет, с момента смерти мужа Галины. Морозова несла в руке большой узел. Судя по тому, что она часто останавливалась и переключивала его из руки в руку, можно было судить о том, что он был достаточно тяжелым. Она остановилась около знакомого ей дома и громко постучала в калитку.

– Иду! – услышала она знакомый голос свекрови. – Сейчас! Минутку!

Из дома вышла женщина лет пятидесяти и направилась в сторону калитки. У хозяйки дома были темные волосы с яркими искрами седеющих волос. Сама Нина Ивановна была небольшого роста, излишняя полнота делала ее фигуру немного комичной, но она не комплектовала от этого. Вытерев руки о цветастый фартук, она открыла калитку.

– Здравствуйте, Нина Ивановна, – поздоровалась с ней Галина. – В дом то пустите, али как?

Нина Ивановна посмотрела на свою бывшую сноху оценивающим взглядом и произнесла тихим бархатным голосом:

– Проходи, коли приехала, Галина. Ты, давай, проходи в комнату, а я пойду, чайник поставлю. Давно мы с тобой не виделись, наверное, с самой смерти сыночка.

Галина прошла в комнату и, сев на стул, сняла с головы косынку. Густые волосы рассыпались по ее плечам. Она достала из кармана маленькое круглое зеркало и, взглянув в него, поправила свои волосы.

– Вот за эти волосы, видимо, и полюбил тебя мой сынок, – произнесла Нина Ивановна, ставя на стол чайник. – Зачем ты пожаловала? Я думала, что ты навсегда забыла сюда дорогу, а выходит, что нет.

Галина улыбнулась, сверкнув белозубой улыбкой. Она, похоже, готовилась к этому вопросу и поэтому он ее ничуть не смутил:

– Я привезла вещи, Нина Ивановна. Вы же знаете, как сейчас трудно жить, вот люди и продают практически новые вещи. Сама я шить и перешивать не умею, а вы у нас мастерица. Неплохо было бы кое-что ушить, а кое-что продать. И вам приработок, и я не в накладе.

Нина Ивановна развязала узел и вытащила из него первую, попавшуюся ей вещь.

– Вещи говоришь? – переспросила ее Галицина. – Это хорошо, Галина. Я смотрю и вещи у тебя ходовые. Вот только скажи мне, Галина, откуда у тебя эти вещи? Ты работаешь, оклад у тебя небольшой, а вещи добротные, дорогие.

Сноха пристально посмотрела на бывшую свекровь. Вопрос, конечно, был провокационным, но Морозова сдержала себя.

– Раньше, Нина Ивановна при живом сыне, вы мне подобных вопросов не задавали, когда я приносила вам вещи, добытые вашим сыном. А теперь вдруг какие-то непонятные вопросы задаете. Я ведь вам их не навязываю, хотите – берите, а хотите – нет.

Нина Ивановна усмехнулась. Приезд снохи ее, конечно, не радовал, но отказаться от денег, которые буквально шли к ней в руки, она не хотела.

– Раньше, Галя, я знала откуда и чьи это вещи, а сейчас не знаю.

– А вам это и не надо знать, Нина Ивановна. Меньше знаешь, крепче спишь.

Свекровь промолчала, словно не услышав реплику снохи. Отхлебнув из блюдечка горячий чай, Галина, снова задала все тот же вопрос:

– Берешь или нет? Чего молчишь?

Нина Ивановна поднялась из-за стола, снова подошла к узлу и стала перебирать вещи, раскладывая их по кучкам. Галина сидела на стуле, наблюдая за ее руками.

– Все чистое, а кое-что совсем новое, – произнесла Нина Ивановна. – И сколько ты за все это хочешь?

Галина сверкнула глазами и, взглянув на свекровь, произнесла:

– Ты не жадничай, Нина Ивановна, в гробу карманов нет. Насколько я знаю, кроме сына родственников у тебя больше нет. Чего молчишь? Мне твой сынок все о тебе рассказал. Говорил, как ты краденые вещи у Володиных скупала. Ты думаешь, я просто так к тебе с вещами пожаловала? Представь себе – нет. Так ты берешь или нет?

Галицина еще раз перетряхнула вещи и отложила узел в сторону.

– Хорошо, беру. Расчет по мере продажи...

– Вот это другое дело. Бери, в накладе не будешь...

Галина поднялась из-за стола и, усмехнувшись, вышла из дома. Дорога до станции не заняла много времени. Поезд подошел по расписанию. Сев около окна, она взглядом проводила уплывающее назад здание станции. Паровоз свистнул и начал набирать скорость.

– Здравствуй, – поздоровалась Галина Морозова с соседкой по коммунальной квартире, которая стояла около керогаза и мешала ложкой в кастрюле суп, вкусный запах которого витал в воздухе.

Женщина посмотрела на Галину и молча, кивнула ей головой. На кухню с шумом и криками ворвалась стайка детей, размахивая деревянными пистолетами и саблями.

– А ну, прекратите! – закричала на них женщина. – Вам, что улицы мало!

– Тетя Поля, это же – дети, – произнесла Галина. – Зачем на них кричать! Вы же тоже были когда-то ребенком.

– Вот заведешь своих детей, тогда поступай, как хочешь. А меня учить не надо. Галина прошла мимо нее и толкнула дверь комнаты.

– Что за шум, а драки нет? – спросил ее Корнилов, наливая в стаканы водку. За небольшим столом, помимо него, сидел Симаков. Галина стянула с головы косынку и, молча, прошла к шифоньеру.

– Ты что, глухая? – спросил ее Василий. – Что там за шумер?

Он поднял стакан и, взглянув на Петра, опрокинул его содержимое в рот.

– Как съездила? – снова спросил он Галину.

– Хорошо, – коротко ответила она. – А у вас, что здесь за праздник? Ты, что здесь сви-нарник устроил? Кто за вас здесь убираться будет?

– Не ори, не дома и дома, тоже не ори, – ответил Василий и, взглянув на Петра, громко засмеялся.

Корнилов хотел еще что-то сказать, но увидев суровый взгляд сожительницы, замолчал. Он хорошо знал, чем это все может закончиться для него – Галина в порыве злости могла и ударить его, а рука у нее была довольно тяжелой.

– Чего расселись? Вам что, пивных не хватает!?

– Не кричи, Галчонок! Сейчас допьем и уйдем, – ответил Василий, разливая остатки водки из бутылки по стаканам.

– Выходит, взяла твоя, Нина Ивановна, вещи, если ты вернулась обратно без них, – примирительно произнес Корнилов, – это уже хорошо. Толкать вещи в Казани – опасно.

– Ты о чем это говоришь, Корнилов? Кого ты учишь? – с угрозой в голосе, произнесла Галина. – Придержи язык, здесь даже стены слышат! Что, жизнь ничему не научила? Вот подсядешь за свой язык, да поздно уже будет.

– Типун тебе на язык, Галина, – произнес Симаков. – Там институтов не будет. Поставят носом к стене и все.

Мужчины быстро допили водку и, поднявшись из-за стола, пошатываясь, направились к двери. Галина, молча, стала убирать со стола разбросанную закуску, то и дело, бросая на них свой недобрый взгляд. Когда они вышли на улицу, Симаков взглянул на молчаливого товарища и спросил его:

– Твоя Галка всегда такая злая?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь, Петр? – спросил его Корнилов.

– Да, так. Я бы такую бабу давно задушил бы.

Василий улыбнулся.

– Вот когда у тебя появится такая баба, как Галка, вот тогда я и посмотрю, как ты запоешь, а вернее, закукарекаешь Петруха.

Симаков промолчал на замечание Корнилова и как бы, между прочим, произнес:

– Вчера к нам на предприятие приезжали «мусора», проверяли оружие. . . . Каждый ствол отстреляли еще раз. Похоже, начинают просеивать местную шпану.

– И что? Ты что, Петр, решил в тину зарыться? Не получится, друг, я один за вас рамсы тянуть не собираюсь.

– Ты, что, Корнил? Я не к этому. Я разговорился с одним из «мусоров», спрашиваю это, по какому случаю проверка, а он в ответ. . . .

Симаков оборвал свой монолог, так как из-за угла дома показался Алексей Бабаев, который заметив их, направился к ним.

– Привет! – коротко произнес Алексей и протянул им руку.

Корнилов смерил его взглядом, а затем схватил его за грудки. Пуговицы на рубашке Бабаева, словно пули, полетели в дорожную пыль.

– Ты что, сука, запалить нас всех хочешь!? Ты, что со стволом по улицам шатаешься? Романтики захотел? Вот повяжет тебя «мусарня», нахлебаешься этой романтики по самые уши.

– Да ты чего, Василий? С чего ты взял?

Бабаев испугано попятился назад.

– А вот с чего, – произнес Василий и вытащил ствол из-под рубашки Алексея. – Ты это детство брось, а то

Он не договорил, так как и без слов всем стало ясно, что будет.

– Галина, хату хорошую «надыбала», денег, как грязи.... – неожиданно произнес Корнилов, забыв об Алексее.

– Что за хата? – одновременно произнесли подельники.

– Есть хата. Придет время – скажу. А пока, молчок!

Они пожали друг другу руки и разошлись.

Павел Максимов переступил порог дома, когда на улице было уже темно. Он, молча, повесил на гвоздь свою кепку и, зачерпнув из ведра ковшом воду, жадно начал пить. Из комнаты вышел его семилетний сын и посмотрел на отца своими большими, наполненными слез, глазами.

– А я тебя, папа, весь день ждал. Все думал, что сейчас ты придешь, и мы с тобой пойдем гулять...., а ты, меня обманул, – тихо произнес он и, развернувшись, скрылся в комнате.

– Сашка! Ну, подойди ко мне! – окликнул его Павел. – Ну, прости меня, работы было много. Ну, ты же совсем большой у меня мальчик и должен все это хорошо понимать. Ну, не смог я сводить тебя в этот зоопарк сегодня, в следующий раз сходим. Я тебе обещаю.

– Ты же обещал, а я поверил тебе...., – услышал он голос сына из комнаты.

Максимов прошел на кухню и налил себе в тарелку остывший суп. Отрезав ломоть хлеба, он начал с жадностью поедать суп. За этим «пиршеством» он не заметил, как в дом вошла Глафира Матвеевна, соседка по дому. Ей было за восемь десятков лет, но выглядела она еще бодро.

– Явился? – с укором в голосе произнесла она, обращаясь к Павлу. – Сын весь извелся, все ждал тебя, а тебя все нет и нет.

– Работы много, Глафира Матвеевна. Бандиты распоясались, вот уже две семьи вырезали, гады. Никого не щадят, ни стариков, ни детей.

Женщина тяжело вздохнула и, опустив руки, села за стол.

– Слышала, я Павел. Все утихомириться не хотят, антихристы, не напились еще человеческой кровью, – произнесла она и снова тяжело вздохнула. – Жалко мне твоего Сашку, сидит дома, все боится, куда-нибудь выйти, а вдруг ты возьми и приедешь, а его дома не будет.

– Я все понимаю, Глафира Матвеевна. Мне тоже его жаль. Жизнь сейчас такая – всем трудно. Сами знаете, если бы мать не умерла....

Павел отодвинул от себя пустую тарелку и налил в металлическую кружку кипятка.

– Зачем пришла, Глафира Матвеевна? – спросил ее Максимов. – Думаю, не для того, чтобы меня пожурить?

Женщина присела поближе на край сундука и посмотрела на Павла.

– Я, что к тебе-то зашла, Павел. Я завтра со своим внуком еду в Моркваши. Давай, я и твоего возьму с собой. Там молоко, свежие яйца.... Пусть порезвится, отдохнет от ожидания.

Максимов задумался. Предложение Глафиры Матвеевны было столь заманчивым, что он моментально дал согласие.

– Не знаю, захочет ли он ехать. Сашка! Подойди ко мне, – крикнул он сыну.

Мальчик вышел из комнаты и, опустив голову, подошел к отцу.

– Сынок! Вот мы с Глафирой Матвеевой, посоветовались и решили отправить тебя вместе с ее Егоркой в деревню. Поживете немного там, пока я с делами здесь управлюсь.

– Я не хочу никуда ехать, – твердо ответил мальчик. – Мне и здесь хорошо с тобой.

– Саша! Это же ненадолго. Ты все понимаешь сынок, у меня сейчас много работы. Поэтому поверь своему отцу – так надо, сынок. Отдохнешь, побегаешь по лесу, покатаешься верхом на лошади....

Мальчик молчал. Он все еще надеялся на то, что отец передумает, но он, похоже, ошибался.

– Поверь, так надо, сынок.... – снова повторил отец

– Вот и договорились, Павел Михайлович. Мы завтра прямо с утра на пароход и в Морквашу.

Глафира Матвеевна поднялась с табурета и, шаркая подошвами тапочек, направилась к двери.

– Папа, ты меня не любишь! – капризно произнес мальчик. – Я не хочу ехать ни в какую деревню. Я лучше останусь дома.

Максимов потрепал сына по вихрастой голове и, обняв его за плечи, спросил:

– Саша! Ты веришь мне? Ты пойми меня – так надо. Помоги мне, я не от хорошей жизни отправляю тебя в деревню. Мама, будь она живой, тоже бы согласилась со мной. Я, как освобожусь, то непременно приеду за тобой и заберу тебя с собой в Казань.

Сын пристально посмотрел ему в глаза.

– Не обманешь?

– Нет, Саша....

Сын развернулся и выскочил из дома. Максимов достал папиросу и, тяжело вздохнув, закурил.

Ночь выдалась темной. Ветер гнал по небу рваные тучи, в просветах которого иногда мелькала полная луна. Две мужские фигуры оторвались от стены и, быстро пересекли небольшой двор.

– Как? – коротко спросил Корнилов Бабаева, который вот уже два часа следил за домом.

– Все тихо, Корнил, – ответил Алексей.

– Это хорошо. Давай, действуй! – приказал Корнилов Алексею, протягивая ему «фомку».

Бабаев, молча, виртуозно, словно циркач на арене, крутанул гвоздодер и резким движением руки сорвал с двери навесной замок.

– Готово! – шепотом произнес Бабаев. – Добро пожаловать, господа налетчики в вашу светлую жизнь.

Корнилов рывком открыл дверь склада и, включив карманный фонарик, шагнул в помещение. Бархатная темнота буквально поглотила их, лишь узкий луч электрического фонарика шарил по стеллажам и стенам помещения.

– Пошли! – скомандовал он, обращаясь к Симакову, который в нерешительности остановился посреди склада.

Бабаев хотел ринуться вслед за ними, но Корнилов остановил его жестом руки.

– Будь на стреме, – произнес Василий Алексею. – Смотри в оба.

Яркий луч фонарика, словно лезвие шпаги хаотично шарил по стенам помещения в поисках дефицитного товара, который со слов Галины завезли на склад два дня назад.

– Может свет включить? – спросил Петр Корнилова. – Разве здесь что найдешь в этой темноте!

– Ты что, Симак, с ума сошел? Что нужно, мы и так найдем.

Вскоре они наткнулись на ящики с американской тушенкой и яичным порошком.

– Давай, за машиной! – приказал Корнилов Симакову. – Алексею скажи, если что, пусть стреляет.

– Понял, – коротко ответил Петр и буквально растворился в темноте.

Василий медленно переходил от одной полки к другой, стараясь в свете фонарика рассмотреть, лежащие на полках товары. Около одной из полок он остановился, на ней лежали коробки с какими-то лекарствами.

– Пенициллин, – по слогам прочитал он.

Корнилов от кого-то из знакомых слышал, что уколами этого лекарства лечат всевозможные воспаления.

«Надо будет захватить с собой несколько коробок, – подумал Василий. – По всей вероятности, дорогое лекарство».

В склад буквально влетел Симаков.

– Все в порядке, сейчас машина подъедет, – выпалил он. – Давай, я пока начну таскать ящики с тушенкой.

Корнилов услышал шум подъехавшей машины.

– Грузим! – скомандовал он и, схватив ящик с тушеным мясом, потащил его к выходу.

Они быстро загрузили машину и закрыли задний борт. В этот момент на территорию склада въехал наряд милиции на мотоцикле. Один из милиционеров направился в будку сторожа, а другой – к стоящей во дворе машине.

– Атаc! – громко закричал Бабаев и выстрелил в сотрудников милиции.

Милиционер побежал обратно к мотоциклу и, укpывшись за ним, как за щитом, выстрелил несколько раз в сторону машины. Завязалась перестрелка. Пули засвистели над головами бандитов, заставляя их укpываться за углом склада.

– Обойди их слева! – приказал Василий Алексею. – Никого не щади.

Тот кивнул головой и быстро скрылся в темноте. Корнилов перезарядил свой «Парабеллум» и выглянул из-за угла здания. В свете электрической лампы, что висела над будкой, Василий увидел двух сотрудников милиции, которые укpылись за мотоциклом.

– Прикрой меня! – крикнул он Симакову и быстро пересек двор базы.

Теперь он хорошо видел сотрудников милиции.

«Сейчас я вас», – подумал Василий, прицеливаясь в одного из них.

Выстрела он не услышал, просто, ствол его пистолета дернулся вверх. Милиционер, который находился ближе к нему, выронил «Наган» и повалился на землю. Второй сотрудник милиции быстро завел мотоцикл и, вскочив в седло, помчался по дороге к центру города. Выскочивший из-за угла Бабаев выстрелил несколько раз в удаляющуюся фигуру мотоциклиста, но, похоже, не попал.

– Уходим! – громко закричал Корнилов и бросился к полуторке, около которой уже суетился Симаков.

– Давай! Гони! – выкрикнул он Петру, вскочив на подножку.

Из темноты, словно бесенок, выскочил Алексей Бабаев и, схватившись за задний борт, легко перекинул свое тело в кузов. Машина сорвалась с места и, выехав за ворота базы, помчалась по улице. Позади звонко хлопнул выстрел. Это стрелял выскочивший из будки сторож.

– Караул! Караул! – Громко закричал он и выстрелил в воздух.

Полуторка, скрепя тормозами, выскочила из узкого переулка, и, сверкнув светом фар, помчалась дальше. Наперерез мчавшейся машине выскочил постовой и, размахивая зажатым в руке «Наганом», попытался остановить полуторку. Алексей Бабаев, поднявшись в кузове, выстрелил в сотрудника милиции, но снова промазал.

– Давай, в переулок! Около сараев останови! – скомандовал Симакову Василий. – До утра они нас искать не будут.

Машина свернула в сторону стоявших в ряд сараев и остановилась.

– Перегружаем все в сарай, быстро! Затем ты, Петр, отгонишь машину и подожжешь. Смотри – никаких следов и отгони как можно дальше от этого места.

Через полчаса, темноту ночи разорвал хлопок. Яркое жаркое пламя окрасило близлежащие дома в какой-то неестественный цвет. Когда на место пожара подъехал наряд пожарной охраны, полуторка практически вся сгорела.

Максимов отошел в сторону от сгоревшей полуторки и подошел к эксперту, который что-то складывал в небольшой бумажный пакетик.

– Что нашел, Степаныч? – спросил его Павел. – Есть что-то?

– Окурки, – коротко ответил криминалист.

– Да их здесь смотри, море, все не соберешь...

– Все старые, а этот свежий, – ответил тот и посмотрел на Максимова. – Иди, Павел, занимайся своим делом. Все что найду – все твое.

– Ну-ну, раз свежий, это хорошо... Нюхай, Степанович...

К Павлу подошел кинолог и, сдерживая на поводке собаку, доложил, что собака след не взяла, это было и не удивительно – земля была полностью затоптана десятками ног пожарных и жителями ближайших домов, которые с интересом наблюдали за работой оперативной группы.

– Не мучайте псину, веди ее к машине, – произнес Максимов. – Другого исхода я и не ожидал.

Павел сел на лавочку и закурил. Он мельком взглянул на наручные часы, которые показывали начало девятого утра. К нему подошел местный участковый уполномоченный, который подталкивал перед собой молодую женщину.

– Товарищ капитан! Вот гражданка Фомина говорит, что видела, как мужчина поджигал полуторку.

Перед Максимовым стояла молодая женщина двадцати пяти – тридцати лет, которая от волнения мяла в руках косынку.

– Слушаю я вас, гражданка Фомина, – произнес Павел и загасил папиросу о подошву сапога. – Расскажите мне, что вы видели?

Женщина продолжала, молча, смотреть на скелет сгоревшей автомашины.

– Вы знаете, товарищ капитан, я увидела эту машину на улице Карельской, когда возвращалась домой от своей подруги. Она стояла около дома номер восемь. А затем я ее увидела уже здесь – в нашем дворе. В этот раз около машины стоял мужчина, одетый в военный френч. Как мне тогда показалось, мужчина кого-то ждал...

– И что было дальше, гражданка Фомина?

– А затем, я увидела яркую вспышку и горящую машину.

– Откуда вы ее увидели? – спросил ее Максимов.

– Я уже была дома, подошла к окну и увидела, как тот мужчина, о котором я вам говорила, побежал в сторону улицы Архангельской, а затем последовала яркая вспышка и машина загорелась.

Павел задавал и задавал вопросы, и картина поджога автомашины стала понемногу проясняться. Теперь он уже знал, что именно эту машину использовали бандиты при налете на склад, узнал и то, что один из налетчиков был одет в военный офицерский френч, что именно он и сжег эту машину, после того, как ее разгрузили.

– И так, значит, вы видели эту машину на улице Карельской?

– Именно так, товарищ капитан.

Поблагодарив гражданку Фомину, Максимов приказал участковому инспектору официально опросить ее по данным фактам и занести к нему в кабинет протокол допроса. Заметив

подъехавшую машину с руководством управления, Максимов направился в их сторону для доклада.

Той ночью Павла поднял дежурный по республиканскому НКВД.

– Товарищ капитан! У нас налет на склады туберкулезного госпиталя, – доложил он Максиму. – Майор Лосев приказал вам выехать на место и разобраться!

– Я вам кто – Бог? – спросил он дежурного, натягивая на себя сапоги. – Что, кроме меня больше никого в отделе нет?

– Я – не начальник, товарищ Максимов и не мне судить, кто вы – Бог или старший оперуполномоченный ОББ. Мне приказали, я передал приказ вам. А вы сами с Лосевым решайте – кто вы, – выпалил дежурный на одном дыхании и положил трубку.

Павел вышел из дома и сразу же заметил ожидавшую его дежурную машину. В машине уже находился помощник дежурного старшина Светлов.

– Давай, Светлов, докладывай, что там произошло, надеюсь, что ты в курсе событий.

– Как нам доложил постовой Игнатьев, они с Сибгатуллиным заехали на склады туберкулезного госпиталя, – начал свой доклад старшина. – У Игнатьева, там тесть работает сторожем. Короче, подъезжают они, а там, на территории полуторка стоит около дверей склада. Они решили проверить, кто это ночью приехал грузиться. А из темноты по ним выстрелы. Они укрылись в будке, а затем в ответ им из «Наганов».

Светлов перевел дыхание и посмотрел на Максимова.

– Засиделись вы там, в дежурной части, Светлов, даже доложить толком не можете, – произнес Павел. – И что, было дальше?

– Все бы хорошо, но бандитам удалось обойти их с тыла, – продолжил Светлов, пропустив мимо ушей реплику Максимова. – Напарника Игнатьева – Сибгатуллина ранило в ногу, а у самого Игнатьева закончились патроны, стрелять он не мог. Тогда Игнатьев попытался вывести напарника в люльку, но бандиты не дали ему сделать это.

– Да, ты не тяни, что было дальше! Вывез или нет?

– Короче, Игнатьев на мотоцикл и с базы, чтобы сообщить о налете в НКВД, а Сибгатуллин остался там у складов.

– Все ясно, Светлов. Бросил твой Игнатьев раненого товарища, а это – подлость.

– Так точно, – не поняв его иронии, произнес дежурный. – Бросил, чтобы поднять тревогу...

Машина, осветив светом фар раскрытые настежь ворота, въехала на территорию базы туберкулезного госпиталя. Максимов вышел из машины и направился в сторону высокого стройного полковника, который стоял посреди двора и давал указания. Это был начальник отдела госбезопасности («СМЕРШ») – Хакимов Ильдар Нургалеевич, заступившей на эту должность неделю назад. Заметив Максимова, он махнул ему рукой.

– Капитан! Где твои орлы? Спите..., – произнес он и выругался матом. – Я уже здесь минут тридцать командую, а вы только что подъехали. Разве вы так кого поймаете? За это время можно до Москвы добраться.

Максимов, молча, выслушал этот справедливый выпад начальника отдела «СМЕРШа». Павел подошел к сотрудникам милиции, выслушал их рапорт и направился к открытым воротам склада.

– Что скажешь? Какие соображения? – поинтересовался у него Хакимов.

Павел Михайлович развел руками.

– Пока ничего сказать не могу, товарищ полковник, только подъехал. Вот подъедет эксперт, может, он что-то скажет...

– Плохо, товарищ Максимов. У вас под носом орудует банда, а вы разводите руками. Ты знаешь, что в налете участвовало как минимум три человека?

– Пока нет, товарищ полковник, я еще ни с кем толком не разговаривал.

– Так вот займись, своим делом. Поговори с Сибгатуллиным, он пока в будке.

Павел, молча, направился в будку, около которой стоял постовой. Сержант козырнул Максимуму и открыл дверь. В небольшом прокуренном помещении Павел не сразу увидел раненого сотрудника милиции, который сидел за столом и что-то рассказывал мужчине, который делал ему перевязку.

– Выйди, – приказал Максимов врачу. – Нам поговорить нужно.

– Что? – удивленно произнес тот.

– Я кому сказал, выйди, – со злостью произнес Павел. – Вы что, по-русски не понимаете?

Врач быстро уложил в саквояж свои медицинские препараты и, взглянув на суровое лицо сотрудника ОББ, вышел из конторы.

Максимов положил на стол пачку папирос и посмотрел на Сибгатуллина. Под его тяжелым взглядом сотрудник милиции как-то внутренне сжался, потеряв свой первоначальный воинственный вид. Раненый отвел свой взгляд в сторону, стараясь не смотреть в глаза Павлу.

– Как вы оказались на базе? – спросил его Максимов. – Ваш участок патрулирования находится в другом конце города. Говори правду, а я решу, докладывать об этом начальству или нет.

По лицу милиционера промелькнула тень страха.

– У моего напарника здесь работает родственник. Он мне и предложил заехать сюда на минутку.

– Не ври! Игнатьев мне сказал, что это ты предложил ему заехать на базу и поживиться продуктами, – тихо произнес Максимов, не спуская своего взгляда с лица Сибгатуллина.

– Врет он! – вскрикнул раненый. – Это он, а не я! Товарищ капитан! Это точно он. Это у него здесь работает родственник!

– Ты понимаешь, что тебя ожидает? Тебя ждет большой срок и сейчас все в твоих руках, каким он будет – большим или малым.

Павел достал из пачки папиросу и закурил. На лице Сибгатуллина блуждал страх. Похоже, он прикидывал, как ему поступить, признаваться или нет. Максимов не подгонял его, сейчас он просто блефовал, выдавая свои догадки за показания Игнатьева. Время шло, однако, сотрудник милиции по-прежнему молчал.

– Вставай! – скомандовал ему Павел. – Поехали в отдел, там ты мне все расскажешь. Там Игнатьев, наверное, уже все написал – он мужик более догадливый, чем ты.

– Я все расскажу, товарищ капитан! – испугано залепетал Сибгатуллин. – Это Игнатьев предложил мне заехать с ним на базу. Мы с ним уже два раза сюда заезжали за продуктами. Здесь работает его родственник...

Он перевел дыхание и продолжил свой рассказ:

– Игнатьев мне говорил, что ничего страшного в этом нет, что родственник его работает здесь сторожем, он сам нам откроет двери склада. До этого мы брали мало – банок по десять, а сейчас хотели сделать рейса три-четыре. Потом он еще говорил, что все это спишут на бандитов, которые орудуют в городе.... Мы приехали сюда и столкнулись с настоящими бандитами.

Сибгатуллин замолчал и посмотрел на пачку папирос, что лежала перед ним на столе.

– Бери, закуривай, – предложил ему Максимов. – Если я правильно тебя понял, вы приехали на базу чтобы похитить из склада продукты питания и случайно столкнулись с бандитами, которые открыли по вам огонь...

Раненый кивнул головой. Он закурил, сделал глубокую затяжку, а затем выпустил клуб голубоватого дыма в потолок.

– Вы здесь уже не первый раз и ранее вам удавалось красть со склада – это так? – снова спросил его Максимов.

Раненый снова кивнул головой.

– Вы хотели сначала вывести товар, а затем инсценировать налет бандитов, я правильно тебя понял?

Сибгатуллин кивнул.

– Выходит, вор у вора украл дубинку..., – словно подводя итог допроса, произнес Павел. – Мне стыдно за тебя, Сибгатуллин. Ты же – фронтовик! Ты Родину защищал и вдруг решил украсть продукты у своих же, как ты фронтовиков. Сволочь, ты... Я бы сам тебя вот этими руками...

На столе противно зазвонил телефон. Максимов поднял трубку и, выслушав сообщение дежурного НКВД, положил трубку.

– Пашуков! Возьми эту тварь... я поехал. Дежурный сообщил, что обнаружена сожженная полуторка.

Павел сел в дежурную машину и, назвав водителю адрес, захлопнул дверцу автомобиля.

Утром Максимова вызвал к себе начальник отдела майор Лосев: позвонил по телефону сам и голосом, не терпящим возражений, коротко бросил:

– Зайди.

Павел вздохнул, закрыл оперативное дело, которое завел буквально три дня назад, интуитивно чувствуя какую-то невидимую связь между тем, чем он занимался сегодня и направился к начальнику.

Бессменный помощник начальника Костя Лебедев, затянутый в синий новый китель, покосившись на краешки ослепительно блестящих погон, кивнул Максиму на дверь:

– Ждет, товарищ капитан. Настроение – паршивое.

Слово «капитан» Костя произнес с осуждением, покосившись на гимнастерку Максимова со споротыми петлицами.

Начальник отдела стоял посреди кабинета. Новая форма делала его намного моложе и стройней.

– Ну, что у тебя, Павел?

– Все то же самое.

– Так и прикажешь докладывать комиссару?

– Пока я, товарищ майор, ничего конкретного сказать не могу.

– Так, – начальник отдела начал раскачиваться с пятки на носок.

Голенища его сапог сверкали в лучах летнего солнца.

– Так, – еще раз повторил он, – хоть что-то у тебя есть?

Максимов посмотрел в окно. Он помолчал, достал папиросу, прикурил.

– Не знаю, товарищ начальник, не знаю. Так, слабые наметки...

– Садись, Максимов. Давай помозгуем вдвоем.

Павел посмотрел на ладную, подтянутую фигуру начальника отдела и улыбнулся.

– Ты еще смеешься, Максимов?

– Да вспомнил, как вы форму эту перешивали...

В редкие минуты, когда они оставались вдвоем, Максимов и Лосев по-прежнему были на «ты», но это похоже все больше и больше тяготило начальника отдела.

– Вот ты мне докладывал, что завел оперативное дело, что ты объединил все эти убийства и налет на склады воедино. Скажи, обоснуй...

– Я же вам рапорт написал об этом. Там в нем я все и обосновал.

– Бумага бумагой, а мысли мыслями. Я послушаю, а потом, может, и кое-какие вопросы задам.

Максимов помолчал, поглядел на начальника. Тот смотрел, откинувшись в кресле. Лицо Лосева вдруг стало серым и отечным. Павлу вдруг стало почему-то жалко Лосева.

– Сейчас ребята работают.

Лосев усмехнулся.

– Смотри, Максимов. Мы с тобой одной веревкой связаны. Если будет плохо мне, тебе будет еще хуже. Поэтому старайся.

Павел развернулся и вышел из кабинета.

В небольшом помещении было все в дыму, и вошедший в него Максимов невольно поморщился от режущего запаха дыма. Он вытер набежавшую слезу и направился к столу, за которым сидели два оперативника.

– Вы хоть дверь бы открыли, черти, – произнес он. – У вас, здесь как в аду, темно и жарко. Оперативники засмеялись над его сравнением их кабинета с преисподней.

– Вы проходите, товарищ капитан, – ответил один из них и, поднявшись со стула, открыл настежь дверь.

– Если не ошибаюсь, это сторож с базы? – спросил их Максимов.

– Он, товарищ капитан.... Молчит, думает, что здесь мы все – дураки.

Один из оперативников протянул Павлу протокол допроса. Максимов пробежал по нему глазами и вернул его обратно.

– Значит, ты никого и ничего не видел? – обратился Павел к сторожу. – Тебя для чего там поставили на ворота? Все правильно, для того чтобы ты охранял государственное имущество! Правильно я говорю? Тогда скажи мне, почему ты не охранял вверенное тебе государственное имущество? Может, не хотел? А может, потому, что ты у нас – враг народа и поэтому тоже не хотел его охранять? Ответь мне, почему молчишь? Или ты хочешь, чтобы я тебя передал сотрудникам государственной безопасности? Я думаю, что они там быстро развяжут тебе язык.

Охранник сразу смекнул, куда гнет этот вошедший оперативник – к статье 58 УК РСФСР, за которой срок в двадцать пять лет в лучшем случае, а может, и расстрел. Он заерзал на стуле, высокий лоб мужчины покрылся капельками пота.

– Товарищ начальник! А что я мог сделать? Их там было человек пять.... Да они меня нашинковали бы свинцом свободно.

Максимов улыбнулся и снисходительно посмотрел на охранника.

– У тебя же был телефон, Панкратов. Ты почему не позвонил в милицию и не сообщил о налете? Хочешь, я тебе скажу почему?

– И почему, товарищ начальник, если это – не секрет?

– Вот мне твой зять рассказал, что ты просто подумал, что грузовик, который въехал на территорию базы туберкулезной больницы, подогнал твой зять. Ведь вы должны были сегодня похитить продукты. А, когда ты понял, что это – бандиты, ты просто испугался их.

На лице охранника не дрогнул ни один мускул.

– Это кто вам все это рассказал? Никак сорока на хвосте принесла?

– Нет, Панкратов, это рассказал мне ваш зять Игнатьев и Сибгатуллин. Кстати, они уже арестованы... Что молчите, Панкратов?

Охранник замолчал. Его маленькие рысьи глаза стали наливаться кровью.

– Сука, он, а не зять, – процедил сквозь зубы охранник. – Еще родственник называется....

– Это вы здорово придумали списать кражу на бандитов, но, видишь, не вышло у вас. Опередили вас бандиты, – продолжил Павел.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – ответил устало Панкратов. – Все, о чем вы здесь мне наговорили, не соответствует действительности, просто зять меня оболгал. Ему нужен мой дом.

– У вас еще будет встреча с вашим зятем, вот там и обсудите свои проблемы. Отведите его в камеру – мы с ним поговорим позже, – приказал Максимов сотруднику милиции.

Павел Михайлович направился к выходу из помещения и, достав папиросу, закурил.

– погоди, начальник! – выкрикнул охранник. – За что в камеру? Продукты крали другие люди. Мало ли кто о чем думает? За мечты не сажают!

– За мечты? – переспросил его Максимов. – Наверное, ты прав – не сажают, а вот за организацию банды для совершения краж государственного имущества ответить придется, гражданин Панкратов.

Павел открыл дверь, чтобы выйти из кабинета и внезапно замер на месте. Перед дверью стоял начальник отдела Лосев и незнакомый ему мужчина.

– Вы знакомы? – спросил Максимова Лосев. – Знакомься, это – начальник того самого госпиталя, на который был совершен налет.

– Капитан Максимов, – представился Павел и протянул главврачу руку.

Врач сделал вид, что не заметил протянутой руки и, пройдя мимо офицера, прошел в кабинет. Мельком взглянув на Панкратова, он развернулся и вышел обратно. Остановившись около раскрытого окна, он достал папиросу и закурил.

– Разрешите задать вопрос главному врачу госпиталя? – обратился Павел к Лосеву.

Майор удивленно посмотрел на Максимова. Он явно не ожидал этого вопроса.

– Спрашивайте, – произнес он.

– Скажите, когда последний раз ваш госпиталь получал продукты и медикаменты? – задал свой первый вопрос Павел.

– Накануне утром, – растеряно ответил главный врач. – Я не понимаю, с чем связан ваш вопрос?

– У меня еще один вопрос, кто разгружал эти товары?

– Да, вы что? Все эти люди работают в нашем госпитале десятки лет, а вы подозреваете их в чем-то. Зачем вы обижаете их?

– Я никого не обижаю и не подозреваю, – парировал ответ Максимов. – Я могу об этом спросить и других работников вашего заведения. Думаю, что они поймут меня правильно.

Майор взял под локоть Максимова и отвел его в сторону.

– Ты что творишь, Максимов? Это – уважаемый в городе человек, а ты его начинаешь сходу допрашивать. А если пожалуется комиссару, кто будет отвечать?

– Ты, Лосев. Ты ведь у нас – начальник, ты и ответишь. Я работать пошел.

Но начальник отдела крепко схватил его за локоть.

– Зайди ко мне, – прошипел он, выпуская руку Максимова.

Максимов пристально посмотрел на Лосева. Тот сделал несколько шагов назад и остановился напротив Павла.

– Плохо мы с тобой работаем, Максимов, – произнес начальник отдела. – Сегодня нас с тобой вызывает к себе нарком. Скажу прямо, будут ругать тебя и меня. Я тебя очень прошу, только не пыли... Ты же хорошо знаешь, что прав тот, у кого больше прав. Докладывать по всем этим налетам будешь ты.

– А почему я, Геннадий Алексеевич? У вас есть заместитель...

– Потому, что я начальник, а приказы командиров не обсуждаются, а выполняются!

«Он же меня подставляет под комиссара, – первое, что пришло в голову Максиму. – Бойтся ответственности, ведь ему через три месяца должны присвоить очередное звание подполковника».

Максимов хотел возразить, но взглянув на Геннадия Алексеевича, понял, что он уже сообщил наверх о докладчике.

– Ты знаешь, Павел, у меня какое-то нехорошее предчувствие. За полтора месяца третье серьезное преступление и самое главное – нет следов.

– Я тоже об этом думаю, Геннадий Алексеевич. Уж больно чисто работают, а самое главное – выборочно. Я, почему поинтересовался у главного врача, когда завезли товар, а потому, что налет они совершили не позавчера, когда не было товара, а вчера, когда его привезли. Выходит, они знали об этом, значит, навел их кто-то на эти склады.

– Ты – разведчик, ты все это видишь по-другому.... Может, ты и прав, Павел. Если двигаться по твоей цепочке, нужно искать источник информации, а это – время и сколько на это уйдет времени, сказать трудно. А нам нужно раскрывать это дело сейчас. Короче, делай что хочешь, но мне нужен результат. Ты понял меня?

– Легко сказать – результат. Дайте мне людей, Геннадий Алексеевич, вы же знаете, что у меня в группе всего два оперативника.

– Где я их тебе возьму, рожу что ли? Вот все они здесь, орлы, – ответил майор и рукой провел в воздухе.

– Я могу об этом сказать наркомуну?

– Это о чем?

– О необходимости создания специальной группы....

Майор вздрогнул, словно его хлестнули по спине кнутом.

– Даже не заикайся, Максимов. Я заранее знаю, что ответит нарком. Он скажет, что у нас в отделе достаточно сил, просто у нас плохая организация работы. Ты понял меня?

К Лосеву подбежал сотрудник милиции и, отдав честь, стал ему говорить что-то в полголоса. Когда тот отошел, Геннадий Алексеевич повернулся к Максиму.

– Я в отдел. Жду доклад.

Галина вернулась с работы и, сбросив с себя одежду, быстро переделалась в домашний фланелевый халат. Корнилов лежал на диване и внимательно наблюдал за сожительницей. Впервые за все время своего проживания с этой женщиной, он заметил, как она изменилась не только внешне, но и в отношениях к нему. У нее исчезла та женская мягкость, которая так подкупала Василия ранее. Галина стала жесткой, циничной и ему все чаще и чаще казалось, что ей были нужны лишь его деньги, а не он.

– Что нового, Галина? – поинтересовался он у нее. – «Мусора», наверное, шерстят?

– А ты, как сам думаешь? – вопросом на вопрос, ответила женщина. – Копают, роют землю. Говорят, что всех врачей больницы уже допросили.

Василий поднялся с дивана и, зайдя к Галине со спины, обнял ее. Его руки легли на ее пышные груди.

– Ты что, кобель, обалдел? Убери свои руки! Я с работы пришла, устала, а ты обниматься лезешь! – произнесла она, сбросив с себя руки Корнилова. – Ты лучше чай поставь для жены.

– Те чего? Какой чай? Надо же придумала – чай. Между прочим, у меня хорошая новость, – ответил он Галине. – Я весь товар сбросил одному «барыге». Вот посмотри сколько денег!

Он сдернул салфетку с кровати и посмотрел на Галину.

– Смотри, сколько денег.... Давай, махнем на море – позагораем, покупаемся.

Взгляд хозяйки скользнул по кровати, на которой словно пирамида Хеопса, возвышалась гора из денежных пачек.

– И сколько здесь? – спросила его Галина и, сев у стола, стала расплетать свои косы.

– Здесь все наши. Я уже отдал Петьке и Лешке их доли. Так что, это – все наши деньги.

Сожительница сжала губы, которые стали похожи на две красные нитки. Злая гримаса исказила ее симпатичное лицо. Глаза стали узкими и в них сверкнула искра ненависти.

– Я же тебе говорила, Василий, чтобы ты не спешил с этим делом. Сейчас твои друзья начнут сорить деньгами и невольно привлекут к себе внимание «мусоров». У оперативников, как у легавых, нюх тонкий. Если для тебя тюрьма – дом родной, то я, в отличие от тебя, в тюрьму не спешу.

– Вот так, как всегда! Хотел угодить, а не получилось! – зло произнес Корнилов, чувствуя, как начинает «заводиться с половины оборота». – Ты как та старуха у Пушкина – все тебе мало и мало. Что у тебя было бы без меня? Вот и я об этом. У тебя бы таракан на паутине повесился.

– Вася! – жестко произнесла сожительница. – Я тебе уже сколько раз говорила – деньги любят тишину. Лучше сходи в магазин, купи водку и закуску, нужно отметить этот день.

По лицу Корнилова пробежала улыбка.

– Ты это серьезно?

– Серьезней не бывает. Надо обмыть удачу.

Василий метнулся в прихожую и, надев на голову кепку, исчез за дверью. Галина быстро сосчитала пачки денег и, сложила их в старый потертый от времени баул. Осмотрев комнату, она сунула его под кровать.

«Потом перепрячу, вот Васька уйдет из дома, – решила она. – Дома держать такие деньги опасно».

В комнату заглянула соседка и удивленно посмотрела на Галину.

– Галя, ты это, что под кроватью копаешься? – спросила она хозяйку. – Что-то потеряла?

Галина испугано вздрогнула, словно ее застали за чем-то нехорошим. Руки предательски затряслись.

– Чего тебе нужно? – грубо спросила она соседку. – Напугала до смерти. Стучаться нужно.

– Тебя напугаешь, – произнесла соседка и громко засмеялась. – Ты сама кого угодно напугаешь. А Васька-то твой, куда побежал?

– Тебе, что нужно? – строго спросила Галина. – Или просто зашла поточить лясы от нечего делать?

– Дай мне немного соли, поиздержалась я. В магазин идти не хочу.

Галина, молча, отсыпала ей соли из стеклянной банки и поставила ее обратно на полку. Соседка продолжала стоять в комнате, и хозяйке показалось, что она совсем не собирается ее покинуть.

– Что-то еще? – поинтересовалась у нее Галина. – Давай, говори....

– В займы денег не дашь? Моему завтра день рождения, а у меня за душой ни копейки.

В это время в квартиру вошел Корнилов. Соседка словно встрепенулась и, взглянув на Василия, быстро покинула помещение.

– Что ей нужно? – спросил он Галину. – Все ходит, нюхает и нюхает, словно собака.

– Черт ее знает. Попросила соль, а затем денег. Раньше вообще никогда не заходила. Скажи, Василий, может она что-то узнала про все это?

– Посмотрим. Время покажет.... Язык твой – враг твой.

Сегодня был понедельник. Мнение многих людей о том, что «понедельник – день тяжелый», сложилось, как считал Максимов, лишь у тех, которые в воскресенье отдыхают. Павел

себя к таким людям не относил. Он провел этот день на работе и уже не воспринимал понедельник так трагически, как другие люди. День выдался даже чуть спокойнее, чем обычно. В пятницу Павел отчитывался перед комиссаром НКВД о результатах работы по раскрытию разбойных налетов. Помимо самого комиссара, на совещании присутствовал и секретарь городского комитета партии, полковник МГБ Хакимов.

– Садись, Павел Михайлович, – произнес комиссар и указал Максимову на стул. – Давай, докладывай, как ты борешься с бандитами, которые терроризируют город. Ты, наверное, уже знаешь, что нас буквально завалили жалобами на бездействие НКВД в части борьбы с бандитизмом. Рабочие не хотят выходить в ночную смену, боятся за свою жизнь.

Комиссар отошел от окна, выдвинул ящик стола и извлек из него пачку писем, которую положил на стол. Максимов хорошо знал хозяина кабинета и поэтому ничего хорошего не ожидал от этого разговора. Павел взглянул на Лосева, который сидел на стуле, заложив ногу на ногу. В его начищенных до блеска сапогах играли лучи заходящего солнца. Посмотрев на комиссара, он приступил к докладу. Максимов хорошо видел, как подался вперед начальник отдела, будто впервые слышал то, о чем говорил его подчиненный.

– И так, Павел Михайлович, вы считаете, что эти три преступления совершены одной бандитской группой? – спросил его комиссар. – Мне не понятно одно, на основании каких фактов вы пришли к такому выводу?

Максимов задумался. В своем докладе он старался донести свои мысли, соображения, но, видимо, ему не удалось это сделать, если у комиссара возник подобный вопрос.

– Виноват, товарищ комиссар, хочу повторить, – произнес Максимов. – Что мы имеем: первое, участие в налете, как правило, принимают три человека, один из которых – подросток. Это следует из показаний охранника складов туберкулезного госпиталя, а также свидетеля Габдрахмановой, которая в процессе допроса тоже говорила о трех мужчинах, которые выходили из дома инкассатора. Заметьте, в этих показаниях снова фигурирует подросток лет шестнадцати. О том, что все эти преступления не спонтанные, говорит, то, что банда тщательно готовила свои налеты.

Комиссар, слушая Максимова, достал папиросу и, размяв ее, пожелтевшими от табака пальцами, закурил. Все сидящие руководители НКВД и представители горкома партии, госбезопасности, не отрывали своих взглядов от рук комиссара.

– Не убедительно, товарищ Максимов. Вы и ваш начальник Лосев не понимаете самого главного – закончилась великая война. Нам удалось сломать шею сильного и опытного врага. Однако здесь, в Казани война еще не закончилась. По-прежнему гибнут люди, замечьте, не сотрудники НКВД, не солдаты, а мирные люди и это тревожит не только нас, но и горком партии.

Комиссар сделал паузу и посмотрел на Лосева, который встал со стула и виновато опустил голову.

– Вот что, Максимов! – произнес комиссар. – Даю вам десять дней для раскрытия всех этих налетов. Думаю, что времени достаточно, чтобы разобраться в этой проблеме.

– Товарищ комиссар, какие десять суток? А что, я должен говорить рабочим? – перебив комиссара, произнес секретарь горкома партии. – Подскажите мне, Кондрат Гаврилович, мне то, как быть в отличие от вас? Люди работают, восстанавливают производство, строят дома, а я им, вы подождите десять суток, пусть милиция разберется с бандитами. Как разберется, так и начнем работать, а пока сидите, дома и ждите. Безобразие! Я буду жаловаться в Обком партии, пусть они там разберутся, соответствует ли товарищ Максимов занимаемой должности!

Комиссар посмотрел сначала на Максимова, а затем на Лосева, а вернее, на их реакцию, на слова представителем горкома партии.

– Мы постараемся раскрыть эти преступления, – словно оправдываясь перед собравшимся руководством НКВД и председателем горкома партии, ответил Лосев. – Мы сделаем все возможное и невозможное.

– Это хорошо, что вы понимаете свою ответственность перед народом, – в заключение произнес комиссар НКВД. – Мы надеемся на вас.

Все встали со своих мест и, гремя стульями, направились к выходу. Вслед за ними, кабинет покинул и Павел Михайлович. Он шел по коридору наркомата, размышляя о поставленной перед ним задаче.

«Да, товарищ начальник, перевел ты на меня стрелки, – подумал Максимов. – Интересно, как все это будет выглядеть – возможное и невозможное».

Павел зашел в кабинет и тяжело опустился на стул. Он посмотрел на часы, шел восьмой час вечера.

«Как там, Сашка? Сыт ли? – первое о чем подумал он. – Ты прости меня сын, но домой мне сегодня, похоже, прийти не удастся».

Максимов достал из ящика стола пистолет и сунул его в карман пиджака. Среди множества других вопросов, которые задавал себе Максимов, был еще один, и, пожалуй, самый трудный: с чего начать?

Перед Максимовым сидел охранник Панкратов и время от времени позевывал. Ему явно хотелось сейчас забраться на нары в камере и, вытянув ноги, отойти ко сну.

– Что молчишь, Панкратов? – спросил его Павел. – Спасть хочешь?

– Не мешало бы, начальник, минут шестьсот на каждый глаз, – ответил охранник. – Что вы меня все пытаете и пытаете? Я уже вам все рассказал, что оговорил меня мой зять, что не было никакой группы.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему, Панкратов. Оговорил он тебя, а ты такой чистый и прозрачный, как слеза Божья. Может, тебе показать заключение комиссии?

Охранник оживился. Он удивленно посмотрел на Максимова, словно увидел его впервые.

– Это что это за комиссия такая?

– Вот такая комиссия, которая проверила все поступления продуктов в вашу больницу, расход их и так далее. Самое интересное, Панкратов, выявлена определенная закономерность исчезновения ряда наименований продуктов именно после твоего дежурства. Вот сам думай, показания твоего зятя, заключение комиссии и поедешь ты, дорогой мой человек на лесоповал на два десятка лет...

Лицо Панкратова словно окаменело и, глядя на него, было трудно понять, слышал ли он то, что говорил ему Максимов. Неожиданно Павла осенила идея, от которой ему вдруг стало даже весело.

– Слушай меня внимательно, Панкратов. Сейчас я тебе скажу одну секретную вещь, только слушай меня внимательно.

Лицо охранника по-прежнему было «каменным».

– Главное – это показания главного врача вашей больницы. Когда я его прижал заключением комиссии, то он сообщил мне, что именно ты – Панкратов был организатором хищения со склада и что ты, запугал и заставил его принять участие в этих хищениях.

Неожиданно для Максимова Панкратов схватился за голову и начал подвывать. Он раскачивался на табурете, и Павлу показалось, что тот готов рухнуть на пол и головой биться об пол.

– Что с тобой? Тебе плохо?

– Суки драные, – провыл он. – Суки...

Максимов протянул ему кружку с водой. Он взял ее в руки и жадно выпил.

– Они решили пустить меня «под сплав», но я не мальчик. Каждый понесет свой чемодан! Пиши, начальник!

– Мы когда-то жили в одном доме, – начал свой рассказ Панкратов. – Дружили ли мы? Скорей нет, чем да. Три года назад судьба нас снова свела. За это время Женька успел окончить медицинский институт и работал главным врачом в этой туберкулезной больнице. Он мне предложил должность охранника на складе. Сами понимаете, товарищ начальник, война, голодное время, а здесь неожиданно такое заманчивое предложение. Я дал согласие и был благодарен Жеранину, что он не забыл обо мне. Месяца через три он вызвал меня и сообщил, что на складе выявлена недостача, и подозрение на хищение продуктов падает на меня. Я попытался оправдываться, но меня никто не слушал. Перед моими глазами замаячила «зона».

Евгений Федорович пришел ко мне домой вечером.

– Мы же с тобой друзья, Панкратов, и я не могу себе позволить, чтобы тебя арестовали и осудили.

– Тогда помогите мне, ведь вы хорошо знаете, что я ни в чем не виноват.

– Слушай, Панкратов. Есть возможность не только уйти от ответственности, но и зарабатывать неплохие деньги. Сейчас все зависит от тебя – «зона» или сладкая и сытая жизнь. Решай!

Вы сами понимаете, что выбора у меня просто не было. И с этого дня все и началось. Каждый месяц при поступлении новых партий продуктов половина их вывозилась. Все было просто, подъезжала вечером машина и в нее загружались продукты. Вы хотите сказать, почему вся эта утечка не вызывала ни у кого никаких вопросов? Все просто – уменьшалась сама закладка продуктов при приготовлении пищи. Повара, да они и сами тащили с кухни. Это устраивало всех, особенно Жеранина – все это можно было списать на работников кухни.

Однажды, полуторка с продуктами чуть не попала в аварию. Вот с этого момента и стали сопровождать эту машину мой зять и его товарищ по работе в милиции – Сибгатуллин.

В ту самую ночь, заметив въезжающую на территорию базы автомашину, я решил, что она прибыла за продуктами. Набрав номер, я позвонил зятю и попросил его заехать на склад для сопровождения машины. Когда Сибгатуллин по привычке направился в сторону машины, по нему открыли огонь. Мы были в растерянности, а когда кто-то из бандитов угодил в Сибгатуллина, мы были просто в панике. Первым не выдержал Игнатъев. Он выскочил из будки и бросился к мотоциклу...

Задав еще несколько вопросов, Максимов протянул протокол допроса Панкратову.

– Вот здесь распишитесь, – произнес Павел и ткнул пальцем в лист протокола.

«Картина стала немного проясняться. Игнатъев и Сибгатуллин прикрывали перевозку похищенных продуктов, Панкратов отпускал и контролировал отгрузку, а какова роль Жеранина?»

– Скажите, сколько вы имели за это?

– За что, это?

– За участие в группе.

Панкратов назвал сумму, которая вызвала невольное удивление у Максимова. Эта сумма равнялась его полугодовой зарплате. Можно было представить, сколько имел Жеранин.

Проводив Панкратова в камеру, Максимов вернулся в кабинет.

«А может, Жеранин решил укоротить цепочку хищения и нанял для этого бандитов? – подумал Павел. – Надо с ним срочно встретиться».

Максимов устало зевнул, потянулся и встал из-за стола. Он сложил бумаги в папку, запер сейф и вышел из кабинета.

– Начальник у себя? – спросил он проходящего мимо него оперативника.

Тот пожал плечами и Павел направился по коридору дальше. Лосева на месте не оказалось – он был у комиссара, кабинет которого находился в другом крыле здания. В ярких лучах солнца, падающих на мраморную лестницу, весело плясали пылинки. Прямоугольник света, изломанный ступенями, уходил круто вниз, доставая до пола первого этажа. Немного постояв, Павел Михайлович направился в кабинет начальника государственной безопасности полковника Хакимова.

В кабинете Хакимова, кроме самого хозяина, находились еще двое, не знакомых Максиму офицеров. Один, молодой лет двадцати пяти в хорошо сшитом кителе с погонами старшего лейтенанта, сидел, откинувшись на спинку стула. Другой, лет тридцати пяти, с огромным шаром мелко вьющихся волос, стоял около стола.

– А, Максимов, заходи, заходи, – произнес полковник. – Вот знакомься, старший лейтенант Платонов Андрей Семенович и Азизов Рустам Гарипович, оба – представителя Москвы. Прибыли к нам для оказания практической помощи в борьбе с бандитизмом. А это – старший оперуполномоченный отдела ОББ и капитан Максимов Павел Михайлович.

Они обменялись рукопожатиями. Максимов поправил прядь волос, спадавшую на высокий лоб, и обратился к полковнику.

– Товарищ Хакимов, я долго думал над всеми этими преступлениями...

– И что надумал, Максимов?

– Извините, товарищ полковник, а вам не кажется, что их могли совершить бывшие военные разведчики? Смотрите, как все они хорошо организованы и спланированы. Проработаны пути отхода, сбыт похищенного. Ведь за все это время нам пока не удалось выйти на скупщиков похищенного имущества. Сбросить такую большую партию товара проблематично.

– Погоди, капитан, не пыли, – произнес полковник, – не вали все в одну кучу. То, что все преступления подготовлены – в этом ты прав. Но все остальное – под вопросом. В отношении бывших армейских разведчиков – мы отработаем эту версию, их не так уж много и все они у нас на учете. Задача твоей группы – выйти на скупщиков краденого имущества и уже от них выходить на бандитов.

Полковник сел за стол и взглянул на Максимова.

– Принято решение о создании объединенной оперативной группы. Группу будет возглавлять твой начальник. Платонов и Азизов тоже войдут в эту группу, хотя будут работать по своему плану.

– Скажите, товарищ полковник, а Лосев об этом знает?

– Наверное, уже узнал от комиссара. Так что, флаг вам в руки. Я тебя прошу, ты поделись результатами расследования с моими товарищами, то есть введи их в курс дела.

– Хорошо, товарищ полковник.

– Можно еще один вопрос, товарищ полковник? Вам ничего не говорит фамилия Жеранин Евгений Федорович? Он не проходит по вашим учетам?

– Я знаю этого человека. Это – сводный брат первого секретаря городского комитета партии. А почему ты меня об этом спрашиваешь, капитан?

Павел замялся. Немного подумав, он произнес:

– Вот видите, вы – новый человек в городе и знаете его, а я живу здесь и не знаю, что Жеранин – сводный брат первого секретаря.

Максимов вышел из кабинета и, увидев шагающего по коридору Лосева, направился в его сторону.

– Хочу с тобой переговорить, – произнес Павел. – Вот почитай. Мне нужна санкция прокурора на обыск.

Лосев, не читая, сунул бумагу в папку и скрылся за дверью кабинета.

Затихшие на время милицейских облав бандиты вновь напомнили о себе. Ночью ими был убит участковый уполномоченный Нуруллин. Как и зачем он оказался на улице Большой никто из его окружения не знал. Подворный обход жилых домов, проведенный оперативниками, не раскрыл этой тайны. Перед Максимовым лежало заключение экспертов, согласно которому, сотрудник милиции был убит пулей от пистолета «Парабеллум», идентичной той, которой был ранен сотрудник милиции на складах туберкулезного госпиталя. Павел внимательно вчитывался в текст, бросая свой взгляд на фотографии пуль, на которых были указаны характерные для обоих случаев царапины.

«Вот и подтвердились все мои опасения, – подумал Максимов. – Все пули с налетов и убийства участкового оказались выпущенными из одного пистолета. Теперь осталось лишь понять умысел бандитов, за что они убили лейтенанта – застал на месте преступления, а может, был убит при проверке документов? Если это так, то зачем преступники сняли с него форменную одежду? Неужели готовят новый налет с использованием формы сотрудника милиции?»

Павел щелчком пальца выбил папиросу из пачки и хотел прикурить, но спичечный коробок оказался пуст. Встав из-за стола, Максимов вышел из кабинета в надежде занять у кого-то из сотрудников спичек. Однако, коридор оказался абсолютно пустым. Только сейчас Павел взглянул на часы, которые показывали начало второго ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.